

"Стивен Кинг - Счастливый брак"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке

Topreading.ru

СЧАСТЛИВЫЙ БРАК

1

Спустя несколько дней после находки в гараже Дарси вдруг с удивлением подумала, что никто и никогда не задает вопросы про брак. При встрече люди интересуются чем угодно — прошедшими выходными, поездкой во Флориду, здоровьем, детьми и даже тем, доволен ли собеседник жизнью вообще, а вот про брак никто и никогда не спрашивает.

Но если бы кто-то задал ей вопрос о ее семейной жизни до того вечера, она бы наверняка ответила, что счастлива в браке и с этим все в порядке.

Дарселлен Мэдсен — такое имя могли выбрать только родители, чрезмерно увлеченные специально купленной книгой детских имен, родилась в год, когда Джон Кеннеди стал президентом. Она выросла во Фрипорте, штат Мэн, который тогда еще был городом, а не пристройкой к первому в Америке гипермаркету «Л. Л. Бин» и полудюжине других торговых монстров, именуемых сток-центрами, как будто это не магазины, а какие-то канализационные коллекторы. Там же Дарси закончила сначала школу, а потом и бизнес-колледж Аддисон. Став дипломированной секретаршей, она поступила на работу к Джо Рэнсому и уволилась в 1984 году, когда его компания стала крупнейшим агентством по продаже «шевроле» в Портленде. Дарси была самой обыкновенной девушкой, но с помощью нескольких чуть более искушенных подруг освоила хитрости макияжа, что позволило ей стать привлекательной на работе и эффектной, когда в выходные они выбирались в заведения с живой музыкой, например «Маяк» или «Мексиканец Майк», чтобы выпить по коктейлю и развлечься.

В 1982 году Джо Рэнсом, попав в довольно щекотливую ситуацию с уплатой налогов, нанял портлендскую бухгалтерскую фирму, чтобы — как он выразился при разговоре с одним из старших менеджеров, который Дарси случайно подслушала, — «решить проблему, о которой все только мечтают». На помощь прибыли двое с дипломатами: один постарше, а другой помоложе. Оба в очках и консервативных костюмах, у обоих аккуратно подстриженные волосы зачесаны набок, что напомнило Дарси снимки из материнского альбома выпускного класса 1954 года, где на обложке из искусственной кожи изображен парень из группы поддержки школьной команды, держащий мегафон.

Молодого бухгалтера звали Боб Андерсон. Они разговорились на второй день, и она спросила, есть ли у него хобби. Боб ответил, что да, и это хобби — нумизматика.

Он начал ей объяснять, что это такое, но она не дала ему договорить.

— Я знаю. Мой отец собирает десятицентовики с бюстом богини Свободы и пятицентовики с изображением индейца. Он говорит, что питает к ним особую слабость. А у вас есть такая слабость, мистер Андерсон?

У него она действительно была: «пшеничные центы», те, что с двумя колосками пшеницы на реверсе. Он мечтал, что когда-нибудь ему попадет экземпляр чеканки 1955 года, который...

Но Дарси знала и это: партия была отчеканена с дефектом — получилась «двойная плашка», отчего дата выглядела удвоенной, зато нумизматическая ценность таких монет была очевидна.

Молодой мистер Андерсон восхитился ее познаниями, восторженно покачав головой с густыми, тщательно расчесанными каштановыми волосами. Они явно нашли общий язык и вместе перекусили в обеденный перерыв, устроившись на залитой солнцем лавочке за автосалоном. Боб ел сандвич с тунцом, а Дарси — греческий салат в пластиковом контейнере. Он попросил ее сходить вместе с ним в субботу на ярмарку выходного дня в Касл-Рок, объяснив, что снял новую квартиру и теперь подыскивает подходящее кресло. И еще он купил бы телевизор, если удастся найти приличный и недорого. «Приличный и недорого» стало фразой, которая на долгие годы определила их вполне комфортную стратегию совместных приобретений.

Боб был таким же обыкновенным и ничем не примечательным внешне, как и Дарси, — на улице таких людей просто не замечаешь, — но никогда не прибегал к каким-либо средствам, чтобы выглядеть лучше. Однако в тот памятный день на лавочке он, приглашая ее, вдруг покраснел, отчего лицо оживилось и даже стало привлекательным.

— И никаких поисков монет? — шутливо уточнила она.

Он улыбнулся, продемонстрировав ровные, белые и ухоженные зубы. Ей никогда не приходило в голову, что мысль о его зубах может когда-нибудь заставить ее содрогнуться, но разве это удивительно?

— Если попадется хороший набор монет, я, конечно, не пройду мимо, — ответил он.

— Особенно с «пшеничными центами»? — уточнила она в том же тоне.

— Особенно с ними, — подтвердил он. — Так ты составишь мне компанию, Дарси?

Она согласилась.

В их первую брачную ночь она испытала оргазм. И потом время от времени его испытывала. Не каждый раз, но достаточно часто, чтобы чувствовать себя удовлетворенной и считать, что все нормально.

В 1986 году Боб получил повышение. Кроме того — по совету и не без помощи Дарси, — он открыл небольшую фирму, доставлявшую почтой найденные по каталогам коллекционные монеты. Дело оказалось прибыльным, и в 1990 году он расширил ассортимент, добавив к нему карточки с бейсбольными игроками и афиши старых фильмов. У него не было собственных запасов плакатов и афиш, но, получив заказ, он практически всегда мог его выполнить. Обычно этим занималась Дарси, используя для связи с коллекционерами по всей стране разбухший вращающийся каталог с карточками контактной информации, казавшийся очень удобным до появления компьютеров. Этот бизнес так и не вырос до размеров, которые бы позволили полностью переключиться только на него. Но такое положение вещей вполне устраивало супругов. Впрочем, подобное единодушие они проявили и при покупке дома в Паунале, и в вопросе рождения детей, когда пришло время завести их. Они обычно соглашались друг с другом, но если мнения расходились, всегда приходили к компромиссу. Их система ценностей совпадала.

Как твой брак?

Брак Дарси был удачным. Можно сказать, счастливым. В 1986 году родился Донни. Перед родами она ушла с работы и больше уже никогда не работала, если не считать помощи мужу по делам их фирмы. В 1988 году родилась Петра. К тому времени густые каштановые волосы Боба Андерсона начали редеть на макушке, а в 2002-м, когда Дарси окончательно отказалась от

вращающегося каталога с карточками и перешла на «Макинтош», у мужа была большая блестящая лысина. Он всячески пытался ее скрыть, экспериментируя с укладкой оставшихся волос, но, по ее мнению, делал себе только хуже. Дважды он пытался вернуть волосы какими-то чудодейственными целебными снадобьями, которые рекламировали жуликоватые ведущие на ночном кабельном канале, — по достижении зрелого возраста Боб Андерсон стал настоящим полуночником, — что не могло не вызывать раздражения у Дарси. Боб не посвятил ее в свой секрет, но у них была общая спальня, где стоял шкаф, в котором хранились их вещи. Дарси не дотягивалась до верхней полки, но иногда вставала на табурет и убирала туда «субботние рубашки», как они называли майки, в которых Боб любил разгуливать по саду в выходные дни. Там она и обнаружила осенью 2004 года бутылку с какой-то жидкостью, а год спустя — маленькие зеленые капсулы. Она нашла их в Интернете и выяснила, что стоили эти средства очень прилично. Тогда она еще подумала, что чудеса никогда не обходятся дешево.

Как бы там ни было, Дарси не стала выказывать недовольство по поводу чудодейственных снадобий, как, впрочем, и покупки внедорожника «шевроле-сабербан», который Боб зачем-то решил приобрести в тот самый год, когда цены на бензин стали кусаться по-настоящему. Она не сомневалась, что муж это оценил и сделал ответный ход: не стал возражать против отправки детей в дорогой летний лагерь, покупки электрогитары для Донни, который за два года научился играть очень прилично, правда, потом неожиданно бросил, и против занятий Петры верховой ездой.

Ни для кого не секрет, что счастливый брак основан на балансе интересов и высокой стрессоустойчивости. Знала это и Дарси. Как поется в песне Стива Уинвуда, нужно «плыть по течению и не барахтаться».

Она и не барахталась. И он тоже.

В 2004 году Донни поступил в колледж в Пенсильвании. В 2006-м Петра отправилась учиться в колледж Колби, что в Уотервилле. Дарси Мэдсен Андерсон исполнилось сорок шесть лет. Сорокадевятилетний Боб вместе с жившим в полумиле строительным подрядчиком Стэном Мори по-прежнему водил в походы юных скаутов. Дарси считала, что ее лысеющий муж выглядит довольно нелепо в шортах цвета хаки и длинных коричневых носках — так он ежемесячно облачался для вылазок на природу, — но никогда об этом не говорила. Лысину на темени уже скрыть было невозможно, очки стали бифокальными, весил он уже не сто восемьдесят фунтов, а все двести двадцать. Боб стал полноправным партнером бухгалтерской фирмы, которая теперь называлась не «Бенсон и Бейкон», а «Бенсон, Бейкон и Андерсон».

Они продали свой старый дом в Паунале и купили более престижный в Ярмуте. Груды Дарси, такие маленькие, упругие и высокие в молодости — она вообще считала их своим самым главным достоинством и никогда не хотела походить на пышногрудых официанток ресторанной сети «Хутерс», — теперь стали больше, утратили упругость и, конечно, немного обвисли, что сразу было заметно, стоило ей снять бюстгальтер. Но все равно Боб время от времени подкрадывался сзади и клал на них ладони. После приятной прелюдии в спальне наверху с видом на мирную полоску их небольшого участка они по-прежнему время от времени занимались любовью. Он нередко, но не всегда, слишком быстро достигал оргазма, и если она при этом оставалась неудовлетворенной, то все равно «нередко» не означало «всегда». К тому же умиротворение, которое она ощущала после секса, когда муж, теплый и расслабленный после полученной разрядки, погружался в сон в ее объятиях, она испытывала всегда. Это умиротворение, по ее мнению, было во многом связано с тем, что после стольких лет они по-прежнему жили вместе, приближались к серебряной свадьбе и все у них было хорошо.

В 2009 году, через двадцать пять лет после свадебной церемонии в маленькой баптистской

церквушке, которую к тому времени успели снести и построить на ее месте парковку для машин, Донни и Петра закатали для них настоящий пир в ресторане «Бэрчиз» в Касл-Вью. Больше полусотни гостей, дорогое шампанское, бифштекс из вырезки, огромный торт. Юбиляры танцевали под звуки «Свободен» — той же песни Кенни Логгинса, что и на своей свадьбе. Гости дружно зааплодировали, когда Боб сделал ловкое па, — Дарси уже и забыла, что он так может, но теперь невольно позавидовала. Хотя у него и появилось брюшко, а на макушке сверкала лысина, которой он не мог не стесняться, ему удалось сохранить столь редкие для бухгалтеров легкость и пластичность движений.

Но все самое яркое в их жизни осталось в прошлом и годилось для прощальных речей на похоронах, а они еще были слишком молоды, чтобы думать о смерти. Кроме того, воспоминания совсем не учитывали мелочей, из которых складывалась супружеская жизнь, проявления заботы и участия, которое, по ее глубокому убеждению, как раз и было тем самым, что делает брак прочным. Когда Дарси отравилась однажды креветками и, заливаясь слезами, всю ночь содрогалась от приступов рвоты, сидя на краю кровати с мокрыми от пота и прилипшими к затылку волосами, Боб не отходил от нее ни на шаг. Он терпеливо таскал тазик с рвотными массажами в ванную комнату и споласкивал, чтобы «запах рвоты не провоцировал новых приступов», как он объяснял. В шесть утра он уже завел машину, чтобы отвезти Дарси в больницу, но, к счастью, ей стало легче — ужасная тошнота отпустила. Сказавшись больным, он не пошел на работу и отменил поход со скаутами на Уайт-Ривер, чтобы остаться дома, на случай если Дарси снова станет нехорошо.

Такое проявление внимания и участия было в их семье взаимным, по принципу «За добро добром платят». В 1994-м или 1995-м она просидела всю ночь в приемном покое больницы Святого Стефана, ожидая результатов биопсии подозрительного уплотнения, которое образовалось у него в левой подмышке. Как выяснилось, это было просто затянущееся воспаление лимфоузла, которое благополучно прошло само по себе.

Сквозь неплотно прикрытую дверь в ванную видно сборник кроссвордов на коленях сидящего на стульчаке мужа. Запах одеколона означает, что пару дней внедорожника перед домом не будет, а спать Дарси придется в одиночестве, потому что мужу предстоит заниматься счетами клиента в Нью-Гемпшире или Вермонте: теперь «Бенсон, Бейкон и Андерсон» имели клиентуру по всей Новой Англии. Иногда запах одеколона означал поездку для ознакомления с коллекцией монет на распродаже имущества: они оба понимали, что не все монеты для их побочного бизнеса можно достать, полагаясь на Интернет. Потертый черный чемодан в прихожей, с которым Боб не желал расставаться, несмотря на все ее уговоры. Его шлепанцы у кровати, обязательно вставленные один в другой. стакан воды и оранжевая таблетка витаминов на свежем номере ежемесячника «Монеты и нумизматика», который лежит на тумбочке с его стороны. Это так же неизменно, как то, что при отрыжке он произносит: «Снаружи больше воздуха, чем внутри», или: «Берегись! Газовая атака!», когда портит воздух. Его пальто всегда висит на первом крючке вешалки. Отражение в зеркале его зубной щетки — Дарси не сомневалась, что если бы она их регулярно не меняла, муж продолжал бы пользоваться той, что была у него в день свадьбы. Его привычка после отправления в рот каждого второго или третьего куска пищи обязательно вытирать салфеткой губы. Методичные сборы снаряжения, с обязательным запасным компасом, перед тем как они со Стэном поведут в поход группу девятилетних ребятшек по «Тропе мертвеца», — опасное путешествие через лес, которое начиналось за торговым комплексом «Голден-Гроув» и заканчивалось у «Мира подержанных автомобилей» Уайнберга. Ногти Боба — всегда коротко остриженные и чистые. Запах жвачки всегда отчетливо чувствуется при поцелуях. Все это наряду с тысячей других мелочей и составляло тайную историю их семейной жизни.

Дарси не сомневалась, что и у мужа сформировался схожий образ ее самой. Например, отдающий корицей запах защитной помады для губ, которой она пользовалась зимой. Или аромат шампуня, который он улавливал, когда терся носом о ее шею сзади — сейчас такое случалось редко, но все же случалось. Или клацанье клавиатуры на ее компьютере в два часа ночи, когда пару дней в месяц ее неожиданно одолевала бессонница.

Их брак длился двадцать семь лет или — как она шутки ради подсчитала с помощью калькулятора на компьютере — девять тысяч восемьсот пятьдесят пять дней. Почти четверть миллиона часов или больше четырнадцати миллионов минут. Конечно, отсюда можно вычесть его командировки и ее собственные редкие поездки — самая печальная была с родителями в Миннеаполис, когда хоронили ее младшую сестру Брендолин, погибшую в аварии. Но все остальное время они не разлучались.

Знала ли она о нем все? Конечно, нет. Как и он о ней. Например, Боб понятия не имел, что иногда, особенно дождливыми днями или бессонными ночами, она жадно поглощала шоколадные батончики в невероятных количествах, не в силах остановиться, хотя подступала тошнота. Или что новый почтальон казался ей привлекательным. Знать все было невозможно, но Дарси считала, что после двадцати семи лет брака они знали друг о друге главное. Их брак был удачным и входил в те пятьдесят процентов, что не распадаются и длятся очень долго. Она верила в это так же безусловно, как и в силу притяжения, которая удерживает ее на земле и не позволяет взмыть вверх при ходьбе.

Так было до той ночи в гараже.

2

Пульт дистанционного управления телевизором перестал работать, а в ящике слева от раковины не оказалось нужных батареек размера «АА». Там лежали средние и большие «бочонки», и даже маленькие круглые батарейки, но нужных не было! Дарси отправилась в гараж, поскольку знала: Боб точно держал там упаковку, — а в результате изменилась вся ее жизнь. Так бывает с канатоходцем, чей единственный неверный шаг оборачивается падением с огромной высоты.

Кухня соединялась с гаражом крытым переходом, и Дарси быстро преодолела его, кутаясь в халат. Всего два дня назад на редкость теплое октябрьское бабье лето вдруг сменилось холодной погодой, больше похожей на ноябрь. Ледяной воздух пощипывал щиколотки. Она бы, наверное, не поленилась надеть носки и брюки, но очередная серия «Двух с половиной человек» начиналась менее чем через пять минут, а чертов «ящик» был настроен на Си-эн-эн. Окажись Боб дома, она попросила бы его переключить на нужный канал вручную — для этого где-то имелись кнопки, скорее всего сзади, где найти их мог только мужчина, — а потом отправила бы его в гараж за батарейками. В конце концов, гараж был его вотчиной. Дарси заходила сюда, только чтобы вывести машину, да и то по ненастным дням, обычно предпочитая оставлять ее на площадке перед домом. Но Боб уехал в Монпелье, чтобы оценить коллекцию стальных одноцентовиков времен Второй мировой войны, и дома она осталась в одиночестве, по крайней мере временно.

Нащупав тройной выключатель возле двери, Дарси легким нажатием зажгла сразу весь свет, и помещение наполнилось гулом флуоресцентных ламп, подвешенных сверху. В просторном гараже царил идеальный порядок: инструменты аккуратно развешаны на специальных панелях, а верстак протерт. Бетонный пол выкрашен серой краской, как корпуса кораблей.

Никаких масляных пятен — Боб говорил, что пятна на полу гаража свидетельствовали либо о наличии в нем рухляди, либо о неаккуратности владельца. Сейчас здесь стояла годовалая «тойота-приус», на которой Боб обычно ездил на работу в Портленд, а в Вермонт он отправился на старом внедорожнике с бог знает каким пробегом. «Вольво» Дарси стояла перед домом.

— Открыть гараж так просто! — не раз говорил он ей. Когда вы женаты двадцать семь лет, то советы даются все реже и реже. — Просто нажми кнопку на козырьке от солнца в машине.

— Мне нравится видеть ее в окно, — неизменно отвечала Дарси, хотя истинная причина заключалась в другом. Она очень боялась задеть подъемные ворота, когда будет сдавать задним ходом. Она панически боялась так ездить. И подозревала, что Бобу об этом известно... Точно так же, как и ей — о его пунктике аккуратно раскладывать банкноты в бумажнике изображениями президентов в одну сторону. Или никогда не оставлять открытую книгу, перевернув ее страницами вниз. По его мнению, это портило корешок.

В гараже было тепло. По потолку были проложены большие серебристые трубы — наверное, правильнее было бы назвать конструкцию трубопроводом, но Дарси точно не знала. Она подошла к верстаку, на котором стоял ровный ряд квадратных металлических контейнеров с аккуратными надписями: «БОЛТЫ», «ГАЙКИ», «ПЕТЛИ, КРЮЧКИ И ХОМУТЫ», «САНОБОРУДОВАНИЕ» и — эта надпись ей особенно понравилась — «ВСЯКАЯ ВСЯЧИНА». На стене висел календарь из «Спортс иллюстриейтед» с обидно молодой и сексуальной девушкой в купальнике, а слева — две фотографии. Одна была старым снимком Донни и Петры в бейсбольной форме «Бостон ред сокс» на детском стадионе Ярмута. Внизу Боб вывел фломастером «Местная команда, 1999». На другой, уже недавней, сделанной перед закуской с морепродуктами на пляже «Олд-орчард», стояли, обнявшись, уже выросшая и сильно похорошевшая Петра и ее жених Майкл. Надпись фломастером гласила: «Счастливая пара!»

Батарейки лежали в шкафчике, висевшем слева от фотографий, а на самоклеящейся ленте было напечатано: «Электрооборудование». Дарси, привыкшая к маниакальной аккуратности Боба, сделала шаг в сторону шкафчика, не глядя под ноги, и неожиданно споткнулась о большую картонную коробку, не до конца задвинутую под верстак. Она потеряла равновесие и чуть не упала, успев ухватиться за край верстака в самый последний момент. У нее сломался ноготь, причинив боль, но избежать неприятного и опасного падения ей все-таки удалось, что было хорошо. Даже очень хорошо, ведь в доме она осталась одна и набрать 911, ударясь она головой хоть и о чистый, но очень твердый пол, было бы некому.

Она могла бы просто задвинуть коробку ногой подальше под верстак и ничего бы тогда не узнала. Позже, когда ей пришлось это в голову, она много об этом размышляла, совсем как математик, которому не дает покоя сложное уравнение. Тем более что она спешила. Но в тот момент ей попался на глаза лежавший сверху в коробке каталог по вязанию, и она наклонилась, чтобы забрать его с собой вместе с батарейками. А под ним оказался каталог подарков «Брукстоун». А под тем — каталоги «Парики Паулы Янг»... одежды и аксессуаров «Тэлботс», «Форзиери»... «Блумингдейлз»...

— Бо-об! — воскликнула она, разделив его короткое имя на два возмущенных слога. Точно так же она говорила, когда муж оставлял грязные следы или бросал мокрые полотенца на полу в ванной, будто они жили в шикарном отеле, где за порядком следила горничная. Не «Боб», а «Бо-об!». Потому что Дарси действительно изучила его как свои пять пальцев. Он считал, что она увлекалась заказами по каталогам, и однажды даже заявил, что у нее выработалась настоящая зависимость. Вот уж глупость — зависимость у нее и правда была, но только от шоколадных батончиков! После той небольшой стычки она дулась на него целых два дня. Но он

знал, как у нее устроена голова, и в отношении всего, что не являлось предметом жизненной необходимости, она была типичным представителем людей, о которых говорят: «С глаз долой — из сердца вон». Поэтому он просто незаметно собрал каталоги и потихоньку перетащил их сюда. Наверное, позже он собирался отправить их в мусорный бак.

«Данскин»... «Экспресс»... «Компьютеры»... «Мир „Макинтоша“»... каталог «Монтгомери уорд», больше известный как «Манки уорд»... «Лейла Грейс»...

Чем глубже она залезала в коробку, тем больше злилась. Можно подумать, ее неумная расточительность привела их к банкротству! Дарси уже напрочь забыла о сериале и думала только о том, что скажет мужу, когда тот позвонит из Монпелье — он всегда звонил, закончив ужин и возвращаясь в мотель. Но сначала она перетащит все эти каталоги обратно в дом, пусть ей и придется совершить несколько ходок. Сложенные в коробку, они были высотой не меньше двух футов, а из-за мелованной бумаги — ужасно тяжелыми. Неудивительно, что, споткнувшись, она снова едва не упала.

«Смерть от каталога, — подумала она. — Оригинальный способ распрощаться с ж...»

Мысль внезапно оборвалась, так и оставшись незаконченной. Подцепив большим пальцем примерно четверть стопки, под каталогом предметов внутреннего интерьера «Гусберри пэтч» Дарси увидела нечто, совсем не похожее на каталог. Даже точно не каталог! Это был журнал «Связанные стервы». Сначала она даже не хотела его смотреть и наверняка бы не стала, если бы наткнулась на него в ящике Боба или на полке, где он прятал свои чудодейственные средства для восстановления шевелюры. Но прятать такой журнал среди пары сотен каталогов... ее каталогов!.. это уже выходило за все рамки!

На обложке была фотография абсолютно голой женщины, привязанной к стулу. Верхнюю половину лица закрывал черный капюшон, а рот раскрыт в немом крике. Она была привязана грубыми веревками, которые впивались в грудь и живот. На подбородке, шее и руках виднелись явно нарисованные следы крови. Внизу страницы крупными желтыми буквами был напечатан кричащий анонс:

НА СТР. 49: СТЕРВА БРЕНДА ПОЛУЧАЕТ ТО, НА ЧТО САМА НАПРАШИВАЛАСЬ!

У Дарси не было ни малейшего желания открывать страницу 49 или какие-то другие. Она уже даже придумала оправдание мужу, что это «мужская любознательность», — о чем-то таком она узнала из статьи в журнале «Космополитен», пока сидела в приемной дантиста. Одна читательница, обнаружившая в портфеле мужа пару журналов для геев, обратилась за консультацией к эксперту, которая специализировалась на сексуальных особенностях мужчин. Читательница писала, что журналы были очень откровенными, и она переживала, что ее муж на самом деле имел нетрадиционную ориентацию. Хотя, по ее словам, в супружеской спальне ему отлично удавалось это скрывать.

Эксперт успокоила ее. Мужчины по натуре очень любознательны и авантюры, и многим нравится расширять свой кругозор в вопросах секса. Причем делают они это либо за счет альтернативных вариантов — здесь на первом месте был гомосексуальный опыт, за которым следовал групповой секс, — либо за счет фетишистских вариантов: водных видов спорта, ношения женской одежды, секса в публичном месте. И конечно, особое место занимает связывание партнера. Эксперт даже добавила, что некоторым женщинам это очень нравится, что крайне озадачило Дарси, правда, она допускала, что многого не знает.

«Мужская любознательность», не больше того. Наверное, Боб увидел этот журнал где-нибудь

на витрине — хотя Дарси не могла представить, что это могла быть за витрина, — и в нем проснулось любопытство. А может, он достал журнал из мусорного бака ночного магазина. Потом привез домой, полистал в гараже, возмущился не меньше ее — кровь на девушке была точно нарисованной, хотя кричала она, похоже, по-настоящему, — и засунул в пачку каталогов, которые приготовил на выброс, чтобы Дарси случайно не наткнулась на «компромат» и не закатила скандал. Вот и все, и ничего больше. Наверняка среди каталогов ничего подобного больше не встретится. Может, пара экземпляров «Пентхауса» или тех, где девушки в нижнем белье — она знала, что большинству мужчин нравятся шелк и кружево, и Боб в этом отношении не был исключением, — но ничего похожего на «Связанных стерв».

Она снова взглянула на обложку журнала и удивилась, что нигде не было цены. И штрих-кода тоже! Сообразив, что цена может быть указана сзади, Дарси перевернула журнал и невольно поморщилась, увидев большую фотографию обнаженной девушки, привязанной к металлическому операционному столу. Выражение ужаса на ее лице было таким же фальшивым, как купюра достоинством в три доллара, что несколько успокаивало, а стоявший рядом полный мужчина в нелепых кожаных трусах и браслетах был, скорее, похож на бухгалтера, чем на садиста, собирающегося резать дежурную звезду «Связанных стерв».

А Боб как раз бухгалтер!

Дарси тут же прогнала эта дурацкую мысль, подброшенную внушительным участком ее мозга, отвечавшим за глупые мысли, и, убедившись, что на задней обложке цены и штрих-кода тоже нет, сунула журнал обратно в коробку. Передумав переносить каталоги в дом, она задвинула коробку под верстак и неожиданно нашла решение загадочного отсутствия цены и штрих-кода. Такие журналы продавались в пластиковой упаковке, закрывавшей бесстыдства, и наверняка цена и штрихкод указывались именно на ней. Другого объяснения просто не было, а это означало, что Боб сам купил этот чертов журнал, если, конечно, все-таки не вытащил его из мусорного бака.

Может, он купил его через Интернет. Наверняка есть сайты, которые специализируются на подобной тематике. Не говоря уж про снимки молодых женщин, одетых как двенадцатилетние девочки.

— Все это не важно! — сказала она себе, решительно мотнув головой. Вопрос был закрыт и дальнейшему обсуждению не подлежал. Если она заговорит об этом с мужем, когда тот позвонит или вернется домой, он наверняка смутится и уйдет в глухую оборону. Назовет ее сексуально инфантильной, что было недалеко от истины, и обвинит в раздувании скандала из ничего, а этого ей точно не хотелось. Дарси была настроена «плыть по течению и не барахтаться». Брак похож на вечное строительство дома, когда каждый год появляются новые комнаты. Небольшой коттедж первого года семейной жизни постоянно достраивается и за двадцать семь лет превращается в огромный особняк с запутанными переходами. В нем наверняка появляются трещины, а большинство кладовок затянута паутиной и заброшено. Там хранятся, кроме всего прочего, неприятные воспоминания из прошлого, которое лучше не ворошить. Но все это — ерунда! Такие воспоминания следует просто выбросить из головы или проявить великодушие.

Эта мысль, подводившая позитивную черту под всеми сомнениями, так понравилась Дарси, что она даже произнесла вслух:

— Это все — ерунда!

И в доказательство собственной решимости она уперлась в коробку обеими руками и с силой задвинула ее до конца.

Что-то глухо стукнуло. Что?

Я не хочу этого знать! — сказала она себе, понимая, что на этот раз мозг выдал умную мысль. Под верстаком было темно, и, вполне возможно, там водились мыши. Пусть гараж у них содержится в полном порядке, но погода сейчас холодная. А испуганная мышь может укусить.

Дарси поднялась, отряхнула подол халата и направилась по переходу в дом. На полпути она услышала звонок телефона.

3

Она добралась до кухни еще до того, как включился автоответчик, но трубку брать не стала. Если это Боб, пусть лучше оставит сообщение. Она не была готова с ним разговаривать прямо сейчас, опасаясь, что по ее голосу он может заподозрить неладное. Боб решит, что она вышла в магазин или взять фильм в видеопрокате и вернется через час. За час она сумеет отойти после неприятной находки и успокоиться, и они нормально поговорят.

Но звонил не Боб, а Донни:

— Вот черт, жалко, что не застал! Хотел поболтать с вами обоими.

Дарси взяла трубку и, облокотившись на стол, сказала:

— Тогда давай. Я была в гараже и только вернулась.

Донни буквально распирало от новостей. Он жил в Кливленде, штат Огайо, и после двух лет неблагодарного и тяжелого труда на самой низкой должности в крупнейшей рекламной фирме города решил начать с другом собственное дело. Боб всячески отговаривал его, объясняя, что им никто не даст кредит на стартовый капитал, который потребуется, чтобы продержаться первый год.

«Одумайся! — сказал он Донни, когда Дарси передала ему трубку. Это было в начале весны, когда под деревьями и кустами на заднем дворе еще лежал не успевший растаять снег. — Тебе сейчас двадцать четыре года, Донни, и твоему партнеру — столько же. Страховые компании, и те сейчас отказываются заключать договоры вас страховать на случай столкновения, и вы должны покрывать все расходы по ремонту автомобилей самостоятельно. Никакой банк не даст вам кредит в семьдесят тысяч долларов на стартовый капитал, особенно когда в экономике дела обстоят так неважно».

Однако кредит им дали, а теперь у них появилось два крупных заказа, причем оба — в один день. Первый поступил от автосалона, желавшего сделать упор на клиентуру в возрасте тридцати с небольшим лет. А второй — от того самого банка, который предоставил начальный капитал для фирмы «Андерсон и Хейворд». И Дарси, и Донни шумно радовались и проговорили двадцать минут. Во время разговора раздался сигнал входящего звонка.

— Ответишь? — спросил Донни.

— Не сейчас, это звонит отец. Он сейчас в Монпелье, смотрит коллекцию стальных центов. Он

еще перезвонит.

— Как он поживает?

Отлично, подумала она. Расширяет кругозор. Но вслух сказала:

— Как суслик: грудь вперед и нос по ветру.

Услышав одну из любимых фраз Боба, Донни засмеялся. Дарси очень нравилось, как он смеется.

— А Петс?

— Позвони сам и узнай, Дональд.

— Я все время собираюсь, но никак не соберусь. Позвоню обязательно! А пока расскажи в двух словах.

— У нее все замечательно. Вся в свадебных хлопотах.

— Можно подумать, свадьба через неделю, а не в июне.

— Донни, если ты не будешь пытаться понять женщин, то никогда не женишься сам.

— А я и не тороплюсь. Мне и сейчас очень даже неплохо.

— Не забывай об осторожности с этим самым «неплохо».

— Я крайне осторожен и очень даже вежлив. Ладно, мам, мне пора бежать. Через полчаса мы встречаемся с Кеном и начнем придумывать стратегию для автосалона.

Она уже собиралась сказать, чтобы он много не пил, но вовремя сдержалась. Хотя ее сын и выглядел как старшеклассник, а она отлично помнила, как в пять лет он, одетый в красную вельветовую куртку, без усталости гонял на самокате по бетонным дорожкам парка Джошуа Чемберлена в Паунале, Донни давно уже не был ни тем, ни другим. Он стал не просто самостоятельным молодым мужчиной, а начинающим предпринимателем, и в это она до сих пор никак не могла поверить.

— Хорошо, — сказала Дарси. — Молодец, что позвонил, Донни. Я была рада поговорить.

— Я тоже. Передай отцу привет, когда он позвонит, и скажи, что я его люблю.

— Передам.

— «Грудь вперед и нос по ветру», — повторил Донни со смешком. — Интересно, скольких скаутов он научил этому выражению?

— Всех без исключения. — Дарси открыла холодильник и проверила, нет ли там, случайно, охлажденного шоколадного батончика, который сейчас был бы так кстати. Но его там не оказалось. — Даже подумать страшно.

— Я люблю тебя, мама.

— Я тоже тебя люблю.

Она повесила трубку, снова обретя душевное спокойствие, и какое-то время продолжала стоять, опираясь на стол. Однако вскоре улыбка сползла с ее лица.

Стук.

Когда она задвигала коробку с каталогами под верстак, послышался какой-то стук. Не скрежет, как если бы она задела упавший инструмент, но именно стук! Причем глухой.

Я не хочу этого знать!

К сожалению, это было не так. Этот стук — все равно что неоконченное дело. Да и коробка тоже. Были в ней какие-то еще журналы вроде «Связанных стержней»?

Я не хочу этого знать!

Так-то оно так, но все равно лучше выяснить. Если других журналов там не окажется, значит, объяснение насчет мужской сексуальной любознательности правильное. И Бобу хватило одного взгляда на этот тошнотворный — и полный психически нездоровых людей, добавила она мысленно, — мир, чтобы удовлетворить любопытство. Если там окажутся и другие журналы, это тоже в принципе ничего не меняет, поскольку Боб все равно собирался их выбросить. Однако уточнить будет не лишним.

И еще тот стук... Он тревожил ее куда больше, чем журналы.

Дарси достала из кладовки фонарь и опять направилась в гараж. Оказавшись за дверью, она зябко повела плечами и запахнула поплотнее халат, жалея, что не накинула куртку. Там стало по-настоящему холодно.

4

Опустившись на колени, Дарси отодвинула коробку в сторону и осветила фонарем. Сначала она не поняла, что увидела: поперек гладкой доски плинтуса шли две темные полоски — одна чуть толще другой. Затем Дарси ощутила беспокойство, которое постепенно нарастало и, наконец, превратилось в смятение, охватившее все ее существо. Да тут тайник!

Не лезь сюда, Дарси. Это его дело — и ради собственного спокойствия оставь все как есть.

Хорошая мысль, но она уже зашла слишком далеко, чтобы остановиться. Она забралась под верстак, приготовившись к встрече с паутиной, но ее там не оказалось. Если она относилась к тем женщинам, что следуют принципу «с глаз долой — из сердца вон», то ее лысеющий, коллекционирующий монеты и водящий в походы скаутов муж был олицетворением аккуратности и опрятности.

Он сам сюда часто залезает, поэтому никакой паутины здесь быть не может.

Неужели это так? Дарси не знала, что и думать.

Темные полоски на плинтусе были на расстоянии восьми дюймов, а посередине планки между ними имелся штифт, позволявший ей поворачиваться. Задвигая коробку, Дарси задела планку, и она немного повернулась, но глухой стук шел не от планки. Дарси повернула ее повыше — за ней находилась ниша примерно восьми дюймов в длину, фут в высоту и около шестнадцати дюймов в глубину. Она подумала, что там могут храниться другие журналы, свернутые в

трубку, но никаких журналов там не оказалось. В тайнике лежала маленькая деревянная шкатулка, которая показалась ей знакомой. Шкатулку, видимо, оставили стоять на боку, а сдвинутая коробкой планка плинтуса опрокинула ее, вот и раздался глухой стук.

Замирая от дурного предчувствия, такого сильного, что его, казалось, можно было потрогать рукой, Дарси потянулась и вытащила шкатулку. Это была маленькая коробочка из дуба, которую она подарила мужу на Рождество лет пять назад, может, чуть раньше. Точно она сказать не могла — помнила только, что удачно купила ее в магазине подарков в Касл-Роке. Сверху была вырезана опоясывающая цепочка, а ниже — тоже резьбой по дереву — шла надпись, указывающая назначение шкатулки: «Запонки». Хотя Боб предпочитал ходить на работу в рубашках, манжеты которых застегивались на пуговицы, у него имелось несколько очень красивых пар запонок, правда, хранились они вперемежку. Дарси купила шкатулку, чтобы он сложил их аккуратнее. Она помнила, как Боб вскрыл подарок и, шумно выразив восхищение, какое-то время держал шкатулку на своей тумбочке, но потом она куда-то исчезла. Теперь понятно, почему Дарси давно эту вещицу не видела — ее прятали в тайнике под верстаком, и Дарси была готова «держат пари на дом и землю» — еще одно выражение Боба, — что сейчас там хранились вовсе не запонки.

Тогда не смотри.

Отличная мысль, но теперь обратного пути уже действительно не было. Чувствуя себя как человек, случайно забредший в казино и неожиданно решивший поставить на одну-единственную карту все свое имущество, она открыла шкатулку.

Господи, молю Тебя, сделай так, чтобы в ней было пусто!

Но Господь не внял ее мольбам. В шкатулке лежали три пластиковые карточки, перетянутые резинкой. Она вытащила их кончиками пальцев, как женщины берутся за лохмотья, боясь, что они не только грязные, но и заразные. Дарси сняла резинку.

Карточки оказались не кредитными, как она сначала решила. Одна была донорской картой Красного Креста, принадлежавшей некой Марджори Дюваль из региона Новой Англии. Кровь первой группы, резус положительный. Дарси перевернула карточку и увидела, что Марджори — или как там ее звали — последний раз сдавала кровь шестнадцатого августа 2010 года. Три месяца назад.

Кто, черт возьми, такая эта Марджори Дюваль? Откуда Боб ее знал? И почему это имя кажется знакомым Дарси?

Вторая карточка была пропуском в библиотеку Норт-Конвей, и на ней имелся адрес: Хани-лейн, 17, Южный Гансетт, штат Нью-Гемпшир.

Последняя карточка оказалась водительским удостоверением, выданным на имя Марджори Дюваль в штате Нью-Гемпшир. С фотографии смотрела типичная американка тридцати с небольшим лет с самым обычным лицом. Правда, разве фотографии на водительском удостоверении у кого-нибудь бывают удачными? Светлые волосы убраны назад — то ли в конский хвост, то ли в пучок — по снимку судить было трудно. Дата рождения — 6 января 1974 года. Адрес тот же, что и на пропуске в библиотеку.

Дарси вдруг поняла, что издает какое-то невнятное попискивание. Подобный звук, срывающийся с ее собственных губ, привел ее в ужас, но остановиться она не могла. А в животе у нее образовался налитый свинцом ком, он начал сковывать все внутренности и

опускаться все ниже и ниже. Дарси видела фотографию Марджори Дюваль в газетах. И в шестичасовых новостях по телевизору.

Непослушными пальцами она скрепила карточки резинкой, убрала в шкатулку и сунула ее в тайник. Она уже собиралась закрыть планку, как вдруг услышала внутренний голос:

Нет, нет и еще раз нет! Такого просто не может быть!

Откуда пришла эта мысль? Какая часть мозга отказывалась с этим мириться? Та, что отвечала за умные мысли или за глупые? Дарси не сомневалась в одном — открыть шкатулку ее заставила глупость. И теперь рухнул весь ее мир!

Она снова достала шкатулку.

Это наверняка какая-то ошибка. Мы провели вместе полжизни, я бы знала, я бы не могла не знать!

Она снова открыла шкатулку.

А разве можно до конца знать другого человека?

До сегодняшнего вечера она в этом не сомневалась.

Водительское удостоверение Марджори Дюваль лежало сверху. А сначала было внизу. Она переложила карточку вниз. Но которая из двух оставшихся была наверху? Донорская или библиотечная? Казалось бы, чего проще, если выбрать нужно всего из двух, но Дарси никак не могла собраться и вспомнить. Она положила пропуск в библиотеку наверх и мгновенно поняла, что ошиблась. Когда она открыла шкатулку, ей сразу бросилось в глаза что-то красное и похожее на кровь. Ну конечно, какого же еще цвета может быть донорская карточка? Значит, она и лежала первой.

Она положила ее наверх и начала натягивать резинку, когда до нее донесся телефонный звонок. Это он! Это Боб звонит из Вермонта, и если она возьмет трубку, то наверняка услышит знакомый жизнерадостный голос: «Привет, милая, как ты там?»

Рука Дарси дрогнула, и резинка, порвавшись, соскочила с пальца и отлетела в сторону. Дарси невольно вскрикнула, не понимая от чего: от ужаса или пережитого потрясения. Но чего ей бояться? За двадцать семь лет брака он прикоснулся к ней только для того, чтобы приласкать. И за все эти годы лишь несколько раз повысил голос.

Телефон звонил и звонил, но неожиданно замолчал, прервавшись на середине звонка. Теперь он оставит сообщение: «Никак не могу тебя застать! Перезвони мне, когда вернешься, чтобы я не волновался, хорошо? Мой номер...»

Боб обязательно оставит номер телефона отеля, по которому с ним можно связаться. Он никогда не полагался на случай и всегда предусмотрительно подстраховывался.

Ее страхи не имели под собой никаких оснований. Они наверняка сродни тем, что неожиданно могут выплыть из самых темных глубин сознания, пугая ужасными догадками. Например, что обыкновенная изжога — это начало сердечного приступа, а головная боль — симптом опухоли мозга, что Петра не перезвонила с вечеринки, потому что попала в аварию и теперь лежит в коме в какой-нибудь больнице. Обычно подобные тревоги посещали Дарси под утро бессонной ночи, когда ей не удавалось сомкнуть глаз. Но в восемь вечера?.. И куда отлетела эта

проклятая резинка?

Она нашла ее за коробкой с каталогами, видеть которые больше не могла. Дарси убрала резинку в карман и стала подниматься, чтобы взять другую, совершенно забыв, что находится под верстаком. Больно стукнувшись головой о край стола, она не смогла сдержать слез.

В ящиках верстака резинок не оказалось, что вызвало новый поток слез. Тогда она вернулась в дом, сунув в карман халата ужасные, непонятно как появившиеся в их доме карточки, и достала резинку из ящика стола на кухне, где хранила всякую мелочь: канцелярские скрепки, прищепки для упаковочных пакетов, магниты на холодильник, которые уже плохо держали, и все такое. На одном из магнетиков красовалась надпись «Правила Дарси», он был подарен Бобом на Рождество.

На телефоне, стоявшем на полке, мигала лампочка — значит, оставлено сообщение.

Дарси поспешила в гараж, уже не кутаясь в халат. Она больше не ощущала холода, потому что все внутри заледенело. Свинцовый ком стал еще тяжелее. Она поняла, что ей надо в туалет. Причем срочно.

Не важно! Потерпи! Представь, что ты на скоростной автостраде, а следующая стоянка с туалетом только через двадцать миль. Закончи сначала дело, а потом...

А что потом? Выкинуть из головы?

Она не сможет.

Дарси перетянула резинкой пластиковые карты, увидела, что водительское удостоверение снова оказалось наверху, и обозвала себя безмозглой душой... Если бы Боб позволил себе хотя бы мягко намекнуть на нечто подобное, она бы тут же вlepила ему пощечину. Но он себе такого никогда не позволял.

— Пусть я безмозглая дура, но зато не «связанная стерва», — пробормотала Дарси и неожиданно почувствовала резкую боль в животе. Упав на колени, она замерла, надеясь, что спазм пройдет. Будь в гараже туалет, Дарси немедленно бы бросилась туда, но туалета здесь не было. Дождавшись, когда резь в животе отпустила, она переложила карточки в нужном порядке — сначала донорскую, потом пропуск в библиотеку и, наконец, права — и поместила их в шкатулку, которую убрала обратно в тайник. Коробку с каталогами она поставила так, как та стояла сначала — слегка выступая из-под верстака одним углом. Он точно не заметит, что ее сдвигали с места.

А откуда такая уверенность? Если ее подозрения верны... Сама мысль об этом была чудовищной, ведь полчаса назад она всего-то хотела найти батарейки для проклятого пульта! Если ее подозрения верны, то Боб вел себя на редкость осторожно на протяжении очень долгого времени. Он всегда отличался удивительной аккуратностью и опрятностью, был самым олицетворением чистоты и порядка. Но если Боб действительно являлся не тем, за кого всегда себя выдавал, — а эти проклятые карточки говорили, что так и есть, — то он проявил невообразимую осмотрительность! И немыслимое лицемерие!

До сегодняшнего вечера Дарси бы в жизни не подумала, что все это имеет отношение к ее мужу.

— Нет! — заявила она, говоря в пустоту. К ее мокрому от пота лицу некрасиво прилипли пряди волос, по телу пробежала дрожь, а руки тряслись, как у страдающих болезнью Паркинсона.

Однако слова прозвучали удивительно спокойно и даже торжественно. — Нет! Это ошибка! Мой муж не может быть Биди!

До сегодняшнего вечера Дарси бы в жизни не подумала, что все это имеет отношение к ее мужу.

— Нет! — заявила она, говоря в пустоту. К ее мокрому от пота лицу некрасиво прилипли пряди волос, по телу пробежала дрожь, а руки тряслись, как у страдающих болезнью Паркинсона. Однако слова прозвучали удивительно спокойно и даже торжественно. — Нет! Это ошибка! Мой муж не может быть Биди!

Она вернулась в дом.

5

Дарси решила выпить чаю. Он успокаивал. Она набирала воду в чайник, когда телефон зазвонил снова. Вскрикнув от неожиданности, она выронила чайник и направилась к телефону, вытирая руки о полы халата.

Спокойно, только не нервничай! Если он может хранить тайну, то смогу и я. Наверняка всему этому есть какое-то простое объяснение...

Неужели?

...Я просто пока его не знаю. Мне нужно время подумать, вот и все. Поэтому — спокойствие!

Она взяла трубку и сказала веселым голосом:

— Если это ты, красавчик, приезжай прямо сейчас! Моего мужа нет в городе.

Боб засмеялся:

— Привет, милая, как ты?

— Грудь вперед и нос по ветру. А ты?

Повисло долгое молчание. Во всяком случае, ей так показалось, хотя пауза вряд ли длилась больше нескольких секунд. Но она успела услышать урчание холодильника, стук капель по оставленному в мойке чайнику и биение своего сердца. Причем удары сердца она ощущала в горле и ушах, но никак не в груди. Дарси с Бобом так давно были женаты, что чувствовали друг друга без слов. Интересно, такое случается со всеми парами? Про других она не знала. Она знала про свой брак. Правда, теперь уже сомневалась и в этом.

— У тебя голос какой-то странный, — сказал он. — Будто говорить трудно. Милая, с тобой все в порядке?

Проявленное мужем беспокойство, вместо того чтобы тронуть, ужаснуло Дарси. Марджори Дюваль. Ее имя не просто стояло перед глазами, а будто постоянно мигало, как на неоновой рекламе бара. Дарси ответила не сразу, пытаясь унять слезы, подступившие к глазам. Знакомая до мелочей кухня вдруг поплыла, а предметы перед ней стали расплывчатыми. В

животе снова появилась резь. Марджори Дюваль. Первая группа, резус положительный. Хани-лейн, 17. Как жизнь? Грудь вперед и нос по ветру?

— Я вспомнила о Брендолин, — услышала она свой голос.

— Ну что ты, бедняжка! — раздалось в ответ, и в этом искреннем сочувствии и понимании был весь Боб. Она так хорошо его знала. Сколько раз после 1984 года она имела возможность в этом убедиться? И даже раньше, когда они только встречались и она поняла, что он — ее суженый? А он всегда мог рассчитывать на ее понимание и поддержку. Сама мысль, что такая забота была всего лишь сахарной глазурью на отравленном торте, казалась безумием. А еще большим безумием представлялась ее ложь ему. Если у безумия бывают разные степени. А может, безумие вроде уникальности: либо есть, либо ее нет, и не бывает никаких сравнительных или превосходных степеней. Господи, что за мысли лезут в голову?!

Задумавшись, она пропустила его последние слова.

— Повтори еще раз. Я потянулась за чаем и не расслышала. — Еще одна ложь. Ее руки так тряслись, что она бы ничего не смогла удержать, но на этот раз ложь была невинной. А голос больше не дрожал. Во всяком случае, так ей показалось.

— Я спросил, с чего это вдруг?

— Позвонил Донни и поинтересовался, как дела у Петры. А я вспомнила о своей сестре. Потом вышла на улицу и немного походила. И стала хлюпать носом, наверное, из-за холода. Вот ты и услышал.

— Наверное, — согласился он. — Послушай, я отменю поездку в Берлингтон и вернусь домой завтра.

Она едва удержалась от возгласа «Нет!», услышав который он, переживая за нее, точно помчался бы домой с первыми лучами солнца.

— Попробуй только, и я тебе шею сверну! — отреагировала она и с облегчением услышала, как он рассмеялся. — Чарли Фрейди сказал, что распродажу в Берлингтоне обязательно стоит посетить, у него там хорошие связи. И у него есть чутье. Ты сам всегда так говоришь.

— Да, но мне не нравится твое настроение.

То, что он сразу — моментально! — уловил, что с ней что-то не так, было плохо. Но еще хуже, что ей пришлось врать о причине. Дарси закрыла глаза, но перед ней тут же возникла оравшая «стерва Бренда» в черном капюшоне, и она снова открыла их.

— Я расстроилась, но сейчас все в порядке, — сказала она. — Просто нахлынуло что-то. Она была моей сестрой, и я вспомнила, как отец привез ее домой. Иногда я об этом думаю, вот и все.

— Знаю, — сказал Боб. И это была правда. Она влюбилась в него вовсе не из-за сочувствия по поводу смерти сестры, но его искреннее участие укрепило ее чувство.

Брендолин Мэдсен насмерть сбил какой-то пьяный на снегоходе, когда та каталась на лыжах. Он скрылся, оставив в лесу ее тело в полумиле от дома Мэдсенов. Когда Брендолин не вернулась домой к шести часам, двое полицейских из Фрипорта и местные добровольцы из «сторожевой группы» организовали поисковую партию. Тело нашел отец и полмили нес через

лес на руках до дома. Дарси, дежурившая у телефона в гостиной и успокаивавшая мать, увидела его первой. Он шел по дорожке, залитой резким светом полной луны, и изо рта у него вырывались клубы пара. При виде его она почему-то вспомнила — и до сих пор винила себя в этом — о старых черно-белых фильмах, которые иногда показывали по каналу «старой классики» Тернера. Там герой обычно вносит невесту на руках в дом, где им предстоит провести счастливый медовый месяц, а пятьдесят скрипок оркестра обильно поливают эту трогательную сцену приторным сиропом.

Как выяснилось, Боб Андерсон оказался человеком, который мог понять ее, как никто другой. Он не терял брата или сестру, но потерял самого близкого друга. Они играли в бейсбол, и тот выскочил на дорогу, чтобы подобрать неудачно брошенный питчером мяч, угодил под грузовик и вскоре скончался в больнице. По счастью, питчером был не Боб — в то время он увлекался не бейсболом, а плаванием. Они пережили схожие трагедии, и это не только заставило ее по-особому относиться к их отношениям, но и было расценено ею как некий мистический знак, подчеркивавший неслучайность их встречи.

— Останься в Вермонте, Бобби. И съезди на распродажу. Я очень тронута и ценю твое внимание, но если ты вернешься, то почувствую себя глупой и тогда точно разозлюсь не на шутку.

— Хорошо, но завтра в полвосьмого я перезвоню. Предупредил по-честному!

Она рассмеялась, с облегчением отметив, что смех получился искренним... Во всяком случае, достаточно правдоподобным. А почему, собственно, она не может от души рассмеяться? Какого черта? Она любит его и имеет право толковать любое сомнение в его пользу. Любое! Любовь нельзя перекрыть, как вентиль, даже если после двадцати семи лет брака она становится похожей на привычку. Любовь идет от сердца, а у сердца свои законы.

— Бобби, ты всегда звонишь в полвосьмого!

— Отпираться бессмысленно, уличен с поличным! Перезвони мне...

— ...если что, не важно во сколько, — закончила она фразу за него. Она почти совсем пришла в себя. Просто удивительно, от каких потрясений способно оправиться сознание. — Обязательно.

— Я люблю тебя, милая. — Традиционная фраза, которой он прощался с ней по телефону, а за годы совместной жизни телефонных разговоров было не счесть.

— Я тоже тебя люблю, — ответила она улыбаясь. Повесив трубку, Дарси прижалась лбом к стенке и заплакала, даже не стерев улыбку с лица.

6

Ее старенький компьютер, выглядевший в соответствии с модным стилем ретро, стоял в комнате, где она занималась рукоделием. Обычно Дарси включала его только для просмотра электронной почты или покупок в интернет-магазине, но сегодня она открыла поисковик «Гугл» и набрала «Марджори Дюваль». Сначала она сомневалась, стоит ли добавлять в строку поиска «Биди», но потом решила — к чему продлевать агонию? Она не сомневалась, что это имя все равно всплывет. Нажав клавишу ввода, Дарси смотрела, как в углу экрана закрутилось колесико режима поиска, и снова почувствовала резь в животе. Дарси поспешила в ванную и, устроившись на стульчаке, опустила голову, закрыв лицо руками. На двери висело зеркало, но

она не хотела на себя смотреть. Как оно вообще здесь оказалось? Как она могла разрешить его повесить? Кому вообще нужно разглядывать себя, сидя на унитазе? Даже когда все в порядке, а не как сегодня вечером?

Она медленно побрела к компьютеру, еле волооча ноги, словно ребенок, который понимает: его непременно накажут за нечто, называемое матерью Дарси «большой бякой». На ее запрос «Гугл» выдал более пяти миллионов ссылок. О, всемогущий «Гугл», такой щедрый и такой ужасный! Но первая ссылка едва не заставила ее рассмеяться — она предлагала пообщаться с Марджори Дюваль и Биди на «Твиттере». Дарси решила, что может пропустить эту ссылку. Если она не ошибалась — Господи, как же ей хотелось ошибиться! — нужная ей Марджори больше не заходила на «Твиттер».

Вторая ссылка была на «Портленд пресс гералд». Дарси кликнула на нее, и на экране появилась фотография, увидев которую она отшатнулась, будто получив пощечину. Точно такую же фотографию она видела по телевизору, а возможно, и в газете, потому что они ее выписывали. Статья была опубликована на первой полосе десять дней назад. Кричащий заголовок гласил: «Женщина из Нью-Гемпшира может оказаться одиннадцатой жертвой Биди», а подзаголовок пояснял: «Полиция уверена на девяносто процентов».

На фотографии в газете на Марджори Дюваль было черное платье, и она выглядела очень эффектно. Снимок явно профессиональный и сделан в студии. Волосы были распущены и казались светлее, чем на карточке водительского удостоверения. Дарси удивилась, откуда в газете этот снимок, и решила, что его, наверное, дал муж Марджори. Скорее всего фотография стояла на каминной полке по адресу Хани-лейн, 17, или висела там на стене. Хорошенькая хозяйка приветствует гостей дежурной улыбкой.

Мужчины предпочитают блондинок, потому что с брюнетками труднее поладить.

Еще одно из любимых изречений Боба. Дарси оно никогда особенно не нравилось, а сегодня тем более.

Тело Марджори Дюваль нашли в овраге за городской чертой Норт-Конвея в шести милях от ее дома в Южном Гансет-те. По мнению шерифа, смерть скорее всего наступила в результате удушения, но точную причину обещали установить при вскрытии. От дальнейших комментариев он отказался и на вопросы отвечать не стал. Однако анонимный источник, «близкий к полиции», что хотя бы отчасти придавало достоверность его словам, заявил, что действия преступника, избившего и изнасиловавшего Дюваль, заставляют вспомнить об убийствах, совершенных Биди.

Далее приводился полный перечень этих убийств. Первое было совершено в 1978 году, следующее — в 1980-м, еще два — в 1981-м. Две женщины убиты в Нью-Гемпшире, две — в Массачусетсе, пятая и шестая — в Вермонте. Затем перерыв, который длился шестнадцать лет. Полиция считала, что причиной тому стало следующее. Биди мог просто переехать в другой регион и продолжить свое «дело» там. Его могли арестовать за какое-то другое преступление, не связанное с этими убийствами, и он отбывал срок. И наконец, он мог просто покончить с собой. По авторитетному мнению психиатра, с которым связался журналист, когда готовил статью, Биди не мог прекратить убийства, пресытившись ими.

«Подобные типы, — заявил психиатр, — никогда не устают от убийств. Это — их наркотик, их потребность. Мало того, это — их тайная жизнь».

«Тайная жизнь». Красивая обертка для отравленной конфеты.

Шестой жертвой Биди была женщина из Барра, тело которой зацепила в сугробе снегоуборочная машина за неделю до Рождества. Дарси подумала о родственниках несчастных, для которых праздник обернулся настоящим кошмаром. Она вспомнила, что в тот год и для нее Рождество было невеселым. Чувствуя себя одинокой вдалеке от дома, в чем она бы ни за что не призналась матери, не уверенная в своей профессиональной пригодности даже после восемнадцати месяцев работы и полученной надбавки к зарплате, Дарси смотрела в будущее без всякого оптимизма. У нее были знакомые — приятельницы, с которыми она выбиралась по выходным выпить по коктейлю и повеселиться, — но не было настоящих друзей. Ей всегда было трудно с кем-то сойтись поближе и подружиться. Она отличалась застенчивостью, если не сказать замкнутостью.

И тогда в ее жизни появился улыбающийся Боб, который стал ее приглашать на свидания и не отставал, пока она не соглашалась. Это произошло месяца через три после того, как нашли тело последней жертвы «первого цикла» Биди. Они полюбили друг друга, и Биди исчез на шестнадцать лет.

Благодаря ей? Потому что полюбил ее? Потому что хотел остановиться?

Это может быть простым совпадением. Не более того.

Может, и так, но карточки из тайника, устроенного в гараже, делали вероятность совпадения практически нулевой.

Седьмая жертва Биди, ставшая первой в его «новом цикле», оказалась женщиной из Уотервилля, штат Мэн. Ее звали Стейси Мур. Труп обнаружил в подвале муж, когда вернулся из Бостона, куда ездил с друзьями посмотреть игру «Ред сокс». Это случилось в августе 1977 года. Она была абсолютно голой, руки связаны за спиной, на ягодицах и бедрах следы десятка укусов, а голова засунута в мешок с сахарной кукурузой, которой Муры торговали в киоске на обочине 106-й автострады.

Через два дня водительское удостоверение Стейси Мур и ее карточка страховки, перевязанные резинкой, были доставлены почтой в департамент по расследованию убийств города Огаста, штат Мэн. Адрес был выведен большими печатными буквами, а к карточкам прилагалась записка со словами: «ПРИВЕТ! Я ВЕРНУЛСЯ! БИДИ».

Детективы, занимавшиеся делом Стейси Мур, тут же узнали почерк преступника: тот же набор документов, удостоверяющих личность жертвы, и такая же шаловливая записка, что и во всех предыдущих случаях. Убийца знал, когда жертвы окажутся одни. Он пытал их, кусал, насиловал или сексуально измывался, убивал, а через несколько недель или месяцев издевательски посылал в полицейский участок их документы.

Чтобы никто не посягал на его славу, мрачно заключила Дарси.

Следующее убийство Биди совершил в 2004 году, а девятое и десятое в 2007-м. Два последних были особенно ужасными, потому что одной из жертв оказался ребенок. У десятилетнего сына убитой женщины разболелся живот, и его отпустили из школы домой, где он, судя по всему, и застал Биди за «работой». Тела мальчика и матери нашли в протекавшем неподалеку ручье. Когда в казармы полицейского управления штата Массачусетс пришло письмо с водительским удостоверением и двумя кредитными карточками, в прилагавшейся записке говорилось: «ПРИВЕТ! С МАЛЬЧИКОМ ВЫШЛО СЛУЧАЙНО! МНЕ ЖАЛЬ! НО ВСЕ ПРОИЗОШЛО БЫСТРО, И ОН НЕ „СТРАДАЛ“! БИДИ».

Статей было еще много — о всемогущий «Гугл»! — но что они могли добавить? Надежда Дарси,

что все прояснится и вечер окажется самым обычным, уступила место кошмару. Поможет ли чтение новых статей о Биди исправить положение? Ответ был очевиден.

Живот снова схватило, и Дарси побежала в ванную. Хотя там работал вентилятор, запах все равно еще чувствовался. Обычно людям удается не обращать внимания на то, насколько зловонна жизнь, но не всегда. Дарси упала на колени перед унитазом и, открыв рот, уперлась взглядом в голубоватую воду. Сначала ей показалось, что приступ тошноты немного отступил, но тут она подумала о почерневшем лице задушенной Стейси Мур, чью голову засунули в кукурузу, и о ее ягодицах, покрытых засохшей кровью цвета молочного шоколада. При этой мысли Дарси ощутила резкий спазм в животе, и ее два раза вырвало, причем с такой силой, что на лицо попали капли из подвешного освежителя и даже рвотных масс.

Плача и задыхаясь, она спустила воду. Унитаз придется мыть дополнительно, но сейчас она могла только опустить крышку сиденья и, оставаясь на полу, прижаться щекой к ее прохладной бежевой поверхности.

Что мне делать?

Самым простым и правильным решением было бы позвонить в полицию, но вдруг потом выяснится, что это ошибка? Боб всегда был таким понимающим и великодушным. Когда она врезалась в дерево возле почты и разбила ветровое стекло их старенького фургона, он беспокоился только о том, не поранилась ли она осколками. Но сможет ли он ее простить, если она укажет на него как на убийцу одиннадцати человек, а он ни в чем не виновен? Все это сразу попадет в прессу! Виновен или нет, но его фотография точно появится в газетах. Причем на первой полосе. И ее снимки тоже.

Дарси с трудом поднялась, достала ершик для унитаза и начала прибираться. Она двигалась очень медленно. Спина болела. Наверное, в какой-то момент она потянула мышцу.

Она вдруг с ужасом сообразила, что в эту историю, которую наверняка раздуют газеты и начнут цинично обсуждать на круглосуточных телеканалах, окажется втянута не только она и Боб, но и дети. У Донни и Кена появились два первых клиента, а в случае огласки истории с Бобом и банком, и автосалон сразу откажутся иметь с ними дело. Фирма «Андерсон и Хейворд», которая только-только получила шанс встать на ноги, мгновенно вылетит в трубу. Дарси не знала, сколько именно вложил Кен Хейворд, но Донни вложил по полной. И дело даже не в деньгах, а в душе, устремлениях и надежде, с которыми человек начинает дело на заре жизненного пути.

А Петра и Майкл в этот самый момент, наверное, продумывают новые детали предстоящего свадебного торжества, не подозревая, что над их головами раскачивается двухтонный груз, этакий сейф, подвешенный на гнилой веревке. Петс всегда обожала отца. Что станет с ней при известии, что руки, качавшие ее на качелях на заднем дворе, задушили одиннадцать женщин? Что губы, целовавшие ее на ночь, скрывали зубы, вонзавшиеся в плоть одиннадцати женщин, причем некоторые были прокушены до кости?

А Петра и Майкл в этот самый момент, наверное, продумывают новые детали предстоящего свадебного торжества, не подозревая, что над их головами раскачивается двухтонный груз, этакий сейф, подвешенный на гнилой веревке. Петс всегда обожала отца. Что станет с ней при известии, что руки, качавшие ее на качелях на заднем дворе, задушили одиннадцать женщин? Что губы, целовавшие ее на ночь, скрывали зубы, вонзавшиеся в плоть одиннадцати женщин, причем некоторые были прокушены до кости?

Вернувшись к компьютеру и снова обратившись к экрану, Дарси вдруг ясно представила на нем чудовищный заголовок первой полосы газеты:

СЕРИЙНЫЙ УБИЙЦА «БИДИ» ВОДИЛ СКАУТОВ В ПОХОДЫ НА ПРОТЯЖЕНИИ 17 ЛЕТ!

А рядом фотография Боба в скаутском галстуке, нелепых шортах цвета хаки и длинных носках.

Дарси в ужасе прикрыла ладонью рот. Она чувствовала, что кровь в сосудах глаз пульсировала так, будто они вот-вот выскочат из орбит. Она подумала о самоубийстве, и это показалась ей не просто рациональным, а единственным выходом. Она оставит записку, где объяснит, что поступила так, испугавшись рака, которым наверняка больна. Или что у нее появились признаки болезни Альцгеймера — это еще лучше. Но самоубийство все равно бросит тень на других членов семьи, и что, если она ошиблась? Что, если Боб просто нашел эти карточки на дороге?

Ты сама понимаешь, насколько это маловероятно, не преминула уколоть ее «разумная Дарси».

Пусть так, но «маловероятно» и «невозможно» — это разные понятия, да к тому же имелось еще одно обстоятельство, делавшее положение Дарси безвыходным. А вдруг она не ошибалась? Разве ее смерть не развяжет Бобу руки для новых убийств, поскольку ему не придется больше вести двойную жизнь? Дарси не очень-то верила в загробную жизнь, но что, если она все же существует? И там ее будут ожидать не райские кущи, а жуткая толпа задушенных и искусанных мужем женщин, которые обвинят ее в своей смерти, потому что она смалодушничала и выбрала самое легкое для себя решение? И если она скроет свою находку — чего, конечно, она не допускала в принципе, — то разве эти обвинения не будут справедливыми? Неужели она может обречь других женщин на смерть, лишь бы не расстроить чудесную свадьбу дочери?

Дарси уже жалела, что не умерла раньше.

Но она была жива.

Впервые за долгие годы Дарси Мэдсен Андерсон опустилась на колени и начала молиться. Но молитва ей не помогла, она по-прежнему чувствовала себя одинокой.

7

Дарси никогда не вела дневник, но на дне вместительного ящика для шитья у нее хранились ежедневники, где были указаны все деловые встречи мужа примерно за десять лет. Будучи бухгалтером, да еще имевшим побочный бизнес, Боб скрупулезно собирал все чеки и документы, позволявшие оптимизировать налоги до последнего цента, включая расчет износа автомобиля.

Дарси положила папки Боба с бумагами и свои ежедневники возле компьютера, открыла «Гугл» и приступила к сверке записей с именами и датами кончины жертв Биди, хотя не всегда эти даты были точными. Когда она приступила к работе, часы на экране монитора, беззвучно отсчитывая минуты, показывали одиннадцатый час вечера.

Она бы с радостью заплатила десятком лет своей жизни, лишь бы найти безусловное подтверждение, что хотя бы к одной из смертей он никак не мог быть причастен, но записи в

ежедневниках только усилили подозрения. Тело Келли Джарвей из Кина, штат Нью-Гемпшир, нашли в лесу за местной свалкой 15 марта 2004 года. Вскрытие показало, что ее убили от трех до пяти дней назад. В ежедневнике Дарси за 2004 год на числах 10–12 марта имелась запись «Боб — Фицуильям, Брат.». Джордж Фицуильям являлся одним из самых уважаемых клиентов фирмы «Бенсон, Бейкон и Андерсон». А сокращение «Брат» означало город Братлборо, где Фицуильям жил. Оттуда до Кина, штат Нью-Гемпшир, — рукой подать.

Тела Хелен Шейверстон с сыном Робертом обнаружили в ручье городка Эймсбери 11 ноября 2007 года, а жили они в Тассель-Виллидже, что в двенадцати милях от этого городка. На странице за ноябрь 2007 года рукой Дарси были отчеркнуты числа с восьмого по десятое и написано: «Боб в Согасе, две распродажи плюс аукцион монет в Бостоне». Ей вдруг вспомнилось, что она, кажется, звонила в мотель Согаса в один из тех вечеров, но Боб не взял трубку. Наверное, задержался с каким-нибудь торговцем монетами или стоял под душем? Дарси почти не сомневалась, что так и было. А может, он как раз в это время возвращался на машине? После небольшого крюка в Эймсбери? А если он и в самом деле принимал душ, то что смывал?

Дарси перешла к его бумагам, когда часы на мониторе уже показывали приближение к полуночи — колдовское время, когда, как считается, мертвецы покидают могилы. Она старалась проявить максимум аккуратности и раз за разом перепроверяла данные. Информация о событиях конца семидесятых была обрывочной и в общем-то бесполезной, к тому же тогда Боб редко куда выезжал и трудился в основном в офисе. А вот начиная с восьмидесятых, всяких счетов и чеков, необходимых для отчетности, было предостаточно. Он совершенно определенно был неподалеку от мест, где Биди совершал убийства в 1980-м и 1981-м. Время и место каждой его командировки точно совпадали со временем и местом того или иного преступления. И «разумная Дарси» не преминула подумать, что если в доме много кошачьей шерсти, то наверняка где-то есть и кошка.

Что мне теперь делать?

Самым разумным было подняться в спальню и постараться уснуть. Она сомневалась, что ей это удастся, но принять горячий душ и лечь в кровать точно не повредит. Она ощущала запах собственного пота, сил не было, спина болела.

Выключив компьютер, Дарси медленно побрела на второй этаж. После душа спину немного отпустило, да и пара таблеток тайленола должна была подействовать часам к двум ночи — она не сомневалась, что к этому времени все равно спать не будет. Убирая таблетки в аптечку, Дарси достала оттуда бутылочку с амбиеном и долго на нее смотрела, а потом положила обратно. Она все равно не уснет, даже приняв снотворное, а от него мысли начнут путаться, и страх только усилится.

Она легла и посмотрела на тумбочку у противоположной стороны кровати. Будильник Боба. Запасная пара очков для чтения. Книга Пола Янга «Хижина». Пару дней назад он сказал ей: «Ты должна обязательно прочесть ее. Она перевернет твоё представление о мире».

Дарси выключила лампу, но перед ней тут же возникла Стейси Мур — голова в кукурузе, — и она снова включила свет. Обычно темнота была ей приятна, означая приближение сна, но только не сегодня. Сегодня в темноте был «гарем» Боба.

Это еще неизвестно. Не забывай, что ты ничего не знаешь наверняка.

Но если в доме много кошачьей шерсти...

Хватит уже об этой шерсти!

Она лежала, широко раскрыв глаза, а роившиеся в голове мысли беспрестанно перескакивали с одного на другое. Дарси думала о жертвах, о детях, о себе и вдруг даже вспомнила давно забытую библейскую историю, как Иисус молился в Гефсиманском саду. Решив, что в мучительных размышлениях провела не меньше часа, Дарси бросила взгляд на будильник Боба и поразилась: прошло всего двенадцать минут. Приподнявшись на локте, она повернула будильник циферблатом к стене.

Он не вернется раньше шести часов вечера завтрашнего дня... хотя формально завтра уже наступило, ведь сейчас первый час. Но все равно у нее было восемнадцать часов. Вполне достаточно, чтобы принять какое-то решение. Конечно, если бы она могла уснуть, это очень помогло бы — сон обладал способностью возвращать ясность мысли, — но рассчитывать на это не приходилось. Едва Дарси начинала впадать в полузабытьё, как ей тут же вспоминались Марджори Дюваль, или Стейси Мур, или — самое ужасное — десятилетний Роберт Шейверстон. «ОН НЕ „СТРАДАЛ“». И сон тут же улетучивался. Ей вдруг подумалось, что она больше никогда не сможет уснуть. Конечно, такое невозможно, но сейчас, когда даже после полоскания во рту ощущался привкус рвоты, а сон так и не пришел, это казалось вполне реальным.

В какой-то момент ей вспомнилось, как в раннем детстве она ходила по дому и заглядывала в зеркала. Дарси прижималась к ним носом, приставив к лицу с обеих сторон ладони и задерживая дыхание, чтобы поверхность не запотела.

Застав ее за этим занятием, мама всегда ругалась. «На зеркале останется пятно, и мне придется его вытирать. Что за странное желание вечно себя разглядывать? Все равно красивее не станешь! И зачем так прижиматься к зеркалу? Ты же ничего не увидишь!»

Сколько ей тогда было лет? Четыре года? Пять? Слишком мало, чтобы объяснить: ее интересовало вовсе не отражение. Во всяком случае, не оно было главным. Дарси верила, что зеркала позволяют заглянуть в другую жизнь, что в отражении она видела не их гостиную или ванную комнату, а гостиную или ванную комнату совершенно другой семьи. Не Мэдсенов, а, например, Мэтсенов. Потому что в зеркале все было похоже, но не так, как в жизни, и если смотреть достаточно долго, то можно заметить различия. Ковер оказывался овальным, а не круглым, как у них дома, дверная ручка «меняла» защелку на щеколду, а выключатель висел с другой стороны двери. И девочка в зеркале была похожей, но не точно такой, как она. Дарси не сомневалась: они были родственницами, например зеркальными сестрами, но все же разными людьми. И ту маленькую девочку звали вовсе не Дарселлен Мэдсен, а, например, Джейн, Сандра или даже Элинор Ригби, которая по какой-то причине (по какой-то жуткой причине) подбирала рис, рассыпанный на свадьбе в церкви[1].

Лежа на своей стороне кровати в пятне света от прикроватной лампы, Дарси начала незаметно погружаться в полузабытьё. Она подумала, что если бы сумела тогда рассказать матери о другой, не похожей на нее девочке по ту сторону зеркала, ее бы наверняка отвели к детскому психологу. Но вообще-то ее интересовала совсем не та девочка. Ее интересовал мир, существовавший в зазеркалье, и, окажись она в том, другом, доме, мир реальный продолжал бы жить своей жизнью и дожидаться ее возвращения.

Со временем эти мысли исчезли, чему немало содействовало появление новой куклы, получившей имя миссис Баттеруорт, потому что так назывался любимый сироп для блинов, и нового кукольного домика. Тогда воображение Дарси переключилось на обычную для девочек

игру в дочки-матери: готовку, уборку, магазины, воспитание кукол, переодевание и тому подобное. И вот сейчас после стольких лет она снова заглянула в зазеркалье, где уже давно поселился муж повзрослевшей девочки и творил что-то ужасное.

Отличное качество за разумную цену — любимое выражение Боба, вполне годившееся для девиза всех бухгалтеров.

Грудь вперед и нос по ветру — неизменный ответ на вопрос «Как дела?», который знали все скауты, ходившие с Бобом в поход по «Тропе мертвеца». И наверняка среди них оказалось немало тех, кто забрал эту фразу в свою взрослую жизнь.

Мужчины предпочитают блондинок, потому что с брюнетками труднее поладить...

Затем Дарси все-таки сморил сон, и, хотя ему было не под силу полностью снять напряжение, морщинки у нее на лбу и по углам красных и распухших от слез глаз все же немного разгладились. Она спала неглубоко и пошевелилась, услышав, как к дому подъехала машина мужа, но тут же снова провалилась в сон. Ее бы точно разбудил яркий свет фар внедорожника, осветивший потолок спальни, однако Боб предусмотрительно выключил их при подъезде к дому.

8

По ее щеке водила бархатной лапкой кошка. Очень осторожно, но очень настойчиво.

Дарси хотела ее прогнать, но рука будто налилась свинцом. И все это происходило во сне, ведь у них не было никакой кошки. «Если в доме много кошачьей шерсти, то наверняка где-то есть и кошка», — услужливо подсказывало пробуждающееся сознание.

Теперь кошка осторожно убрала челку со лба Дарси и нежно погладила кожу, только это не могла быть кошка, поскольку кошки не разговаривают.

— Проснись, Дарси, милая. Нам надо поговорить.

Голос тихий и успокаивающий, совсем как прикосновения.

Голос Боба. И не кошачья лапка, а рука мужа. Только этого не может быть, потому что он в Мон...

Она открыла глаза и увидела, что перед ней на кровати сидел действительно он и нежно гладил лицо и волосы, как часто делал, когда она раскисала. На нем была выходная тройка, которую он шуточно называл «костюмчик», пиджак расстегнут, верхняя пуговица рубашки тоже. Из кармана пиджака торчал уголок галстука, будто показывая язык. Бросив взгляд на живот, нависший над ремнем, она поймала себя на мысли, что едва не сказала: «Бобби, тебе надо побереечь сердце и последить за весом».

— Ка... — С ее губ сорвалось нечто невразумительное, похожее на карканье.

Он улыбнулся, продолжив нежно водить пальцами по ее волосам, лицу и шее. Она откашлялась и повторила вопрос:

— Как ты здесь оказался, Бобби? Сейчас... — Она подняла голову, чтобы посмотреть на будильник, но он стоял циферблатом к стене.

Продолжая улыбаться, муж бросил взгляд на наручные часы:

— Без четверти три. После нашего разговора я просидел в своем дурацком номере два часа, пытаюсь убедить себя, что ошибаюсь и такого просто не может быть. Но какой смысл себя обманывать? Поэтому я сел в машину и отправился в путь. На дорогах — никого! Даже не знаю, почему я больше не езжу ночью. Надо бы это исправить. Если, конечно, я не окажусь в результате в тюрьме Шоушенк или Конкорд. Но ведь это зависит от тебя, верно?

Он продолжал гладить ее лицо. Ощущение было знакомым, и запах тоже. Раньше это ей всегда нравилось, но только не теперь, и дело даже не в этой проклятой находке в гараже. Почему она раньше не замечала, какими самодовольно собственническими были его прикосновения? Казалось, этим жестом он говорил: *Хоть ты и старая псина, зато — моя старая псина! И на этот раз сделала лужу на полу, когда меня не было дома. А это плохо! Это очень плохо!*

Она оттолкнула руку Боба и села.

— Что ты такое несешь? Прокрался сюда, разбудил...

— Да, ты спала с включенным светом, я увидел его, когда подъезжал. — В его улыбке не было никакого смущения. И ничего зловещего. Перед ней был открытый и доброжелательный Боб Андерсон, в которого она влюбилась почти с первого дня знакомства. На мгновение в ее памяти промелькнула их первая брачная ночь, вспомнилось, каким нежным и ласковым он был, как не торопил ее, давая возможность привыкнуть к новому ощущению...

И сейчас он действует точно так же.

— Ты никогда не спишь с включенным светом, Дарси. И хотя ты надела ночную рубашку, лифчик так и не сняла, что тоже на тебя не похоже. Ты просто забыла его снять, верно? Бедняжка! Совсем измучилась! — Он дотронулся до ее груди, но быстро — слава Богу! — убрал руку. — И ты повернула мой будильник к стене, чтобы не видеть время. Ты очень расстроилась, и причиной был я. Мне очень жаль, Дарси. Очень, очень жаль.

— Я съела что-то, и у меня расстроился желудок. — Это было единственным, что пришло ей в голову.

Он спокойно улыбнулся:

— Ты нашла мой тайник в гараже.

— Я не понимаю, о чем ты!

— Ты постаралась сложить все так, как было, но я очень осмотрителен и внимателен. Кусочек скотча на планке был оторван, а ты его даже не заметила, так ведь? Да и как ты могла заметить? Он же прозрачный и почти не виден. А шкатулка в тайнике, которую я всегда кладу на одно и то же место, оказалась чуть сдвинута влево.

Он потянулся, чтобы погладить ее по щеке, но сразу убрал руку, когда она отстранилась.

— Бобби, я вижу, тебя что-то тревожит, но, честно, не понимаю, о чем ты. Наверное, ты просто переутомился.

Уголки его губ скорбно опустились, а глаза наполнились слезами. Невероятно! Она поймала себя на мысли, что едва не начала его жалеть. Эмоции, похоже, — всего лишь обыкновенные

рефлексы, которые формируются точно так же, как и привычки.

— Мне кажется, я всегда знал, что этот день настанет.

— Но я и понятия не имею, о чем ты говоришь!

Он вздохнул:

— По дороге назад у меня было много времени все обдумать, дорогая. И чем больше я думал, тем больше убеждался, что на самом деле все сводится к ответу на один-единственный вопрос: «ЧСД?»

— Я не...

— Тсс! — Он приложил палец к ее губам. Она уловила запах мыла. Наверное, он принял душ перед отъездом из мотеля. Очень на него похоже. — Я расскажу тебе все. Не стану ничего утаивать. Мне кажется, в глубине души мне всегда хотелось, чтобы ты знала.

Ему всегда хотелось, чтобы она знала? Господи Боже! Наверняка ей предстояло услышать ужасные откровения, но сейчас хуже этих слов ничего не было.

— Я не хочу ничего знать. Что бы ты ни вбил себе в голову, я ничего не хочу знать!

— Я вижу, твой взгляд изменился, родная, а я научился читать по женскому взгляду. Даже стал настоящим экспертом. «ЧСД?» означает «Что сделает Дарси?». В данном случае — что сделает Дарси, если найдет мой тайник и то, что хранится в шкапулке? Кстати, она мне всегда очень нравилась, потому что ее подарила мне ты.

Он наклонился вперед и слегка коснулся губами ее лба. Губы у него были влажными. Впервые в жизни их поцелуй вызвал у нее тошноту, и она вдруг поняла, что может умереть, не дожив до рассвета.

А он постарается сделать так, чтобы я не «страдала».

— Сначала я спросил себя, скажет ли тебе что-нибудь имя Марджори Дюваль. Мне бы очень хотелось ответить «нет», но иногда приходится быть реалистом. Ты никогда особенно не следила за новостями, но мы прожили достаточно долго вместе, и я знал: ты в курсе главных событий, которые обсуждаются в газетах и по телевидению. Я решил, что ты вспомнишь имя, а если даже и не вспомнишь, то узнаешь лицо по фотографии на правах. Кроме того, я не сомневался, что тебе захочется выяснить, откуда у меня эти карточки. Женщины очень любопытны. Достаточно вспомнить Пандору.

Или жену Синей Бороды, подумала она. Та заглянула в запертую комнату и нашла в ней останки своих предшественниц.

— Боб, я повторяю, что не понимаю, о чем ты гово...

— Поэтому первое, что я сделал, так это залез в твой компьютер, открыл поисковик, которым ты всегда пользуешься, и посмотрел, на какие сайты ты заходила недавно.

— Что?!

Он довольно хмыкнул, будто она удачно пошутила.

— Ты даже не знала, что это возможно! Так я и думал, поскольку каждый раз, когда проверял, вся информация была на месте. Ты никогда ничего не стирала! — И он снова довольно хмыкнул, как делают мужья, когда их жены демонстрируют качество, которые те в них особенно ценят.

Или жену Сине́й Бороды, подумала она. Та заглянула в запертую комнату и нашла в ней останки своих предшественниц.

— Боб, я повторяю, что не понимаю, о чем ты гово...

— Поэтому первое, что я сделал, так это залез в твой компьютер, открыл поисковик, которым ты всегда пользуешься, и посмотрел, на какие сайты ты заходила недавно.

— Что?!

Он довольно хмыкнул, будто она удачно пошутила.

— Ты даже не знала, что это возможно! Так я и думал, поскольку каждый раз, когда проверял, вся информация была на месте. Ты никогда ничего не стирала! — И он снова довольно хмыкнул, как делают мужья, когда их жены демонстрируют качество, которые те в них особенно ценят.

Дарси впервые почувствовала, как в ней начинает закипать гнев. Наверное, это было глупо, учитывая все обстоятельства, но что есть, то есть.

— Ты копался в моем компьютере? Мерзавец! Грязный мерзавец!

— Конечно, копался! У меня есть очень плохой друг, который совершает очень плохие поступки. В такой ситуации человеку просто необходимо быть в курсе того, чем дышат самые близкие ему люди. С тех пор как дети живут отдельно, к близким людям относишься только ты одна.

Плохой друг? Плохой друг, который совершает плохие поступки? У Дарси все поплыло в голове, но одно не вызывало сомнений: отпираться бессмысленно. Она знала, и он знал, что она знала.

— Ты посмотрела информацию не только о Марджори Дюваль. — В его голосе не было ни стыда, ни смущения, а только искренняя печаль, что им приходится об этом говорить. — Ты знаешь обо всех. — Затем он неожиданно рассмеялся. — Надо же!

Она оперлась на спинку кровати, отчего чуть отодвинулась от мужа. Это было хорошо! Все эти годы они спали, соприкасаясь бедрами и прижимаясь друг к другу, а теперь ее радовало, что она отодвинулась!

— Какой еще «плохой друг»? О чем ты?

Он склонил голову, как всегда делал, когда хотел показать, что она «не догоняет», а ему это нравится, и ответил:

— Брайан.

Сначала она не поняла и решила, что он говорит о ком-то с работы. Может, о сообщнике? Вообще-то Боб так же плохо заводил друзей, как и она, но у преступников часто имелись

сообщники, так что кто знает... Волки тоже охотятся стаями!

— Брайан Делахант, — пояснил он. — Только не говори, что никогда о нем не слышала. Я говорил тебе о нем, когда ты рассказала, что случилось с Брендоллин.

Она опешила.

— Твой школьный друг? Боб, он же умер! Его сбил грузовик, когда он побежал подобрать мяч. Его нет в живых!

— Ну... — Боб смущенно улыбнулся. — И да, и нет! Я почти всегда называл его Брайан, когда говорил о нем, но в школе обращался к нему по-другому, потому что он ненавидел свое имя. Я называл его по инициалам. Би-Ди.

Она начала было спрашивать, и что с того, но тут до нее дошло. Ну конечно! Би-Ди!

Биди!

9

Он говорил долго, и чем дольше она слушала, тем сильнее ее охватывал ужас. Все эти годы она жила с сумасшедшим, но откуда ей было знать? Его безумие походило на подземное море, поверхность которого покрыта скальными породами и толстым слоем почвы. На этой почве растут цветы. Среди них можно гулять, и никому даже в голову не придет, что под ногами скрываются бездонные глубины. А они там действительно есть. И всегда были. Он во всем винил Би-Ди — в «Биди» тот превратился позже, когда Боб стал подписывать этим именем свои послания в полицию, — но Дарси ему не верила. Она подозревала, что, возлагая всю вину на Брайана Делахант, Боб оправдывал себя, и так ему было легче вести двойную жизнь.

По словам Боба, у Би-Ди имелся план притащить в школу оружие и устроить побоище. Эта мысль пришла ему в голову в каникулы после первого года учебы в старшей школе Касл-Рока.

— Шел семьдесят первый год, — рассказывал Боб, благодушно покачивая головой, как человек, вспоминающий невинные детские шалости. — Это было задолго до того, как отцы этих вертихвосток сочли нужным за ними присматривать. И эти девчонки нас динамили! Диана Рэмадж, Лори Свенсон, Глория Хэггерти... было еще несколько, но их имен я не помню. План сложился такой. У отца Брайана в подвале хранилось штук двадцать винтовок и пистолетов, в том числе два немецких «люгера» со времен Второй мировой войны, и они нам особенно нравились. Мы хотели притащить их в школу — тогда же не было никаких обысков и рамок металлодетектора.

Мы собирались захватить крыло здания, где располагались кабинеты естественных наук, закрыть двери на цепи, убить несколько человек — в основном учителей и одноклассников, которые нам не нравились, — а остальных ребят выгнать на улицу через пожарный выход в конце коридора. Ну... почти всех. Мы хотели оставить девчонок, которые нас динамили, в качестве заложниц. Мы собирались... Би-Ди намеревался повернуть все это до приезда полиции. Он чертил схемы в тетради по геометрии и разрабатывал порядок действий, которые нам следовало предпринять. Мне кажется, в этом списке было около двадцати позиций, начиная с «Включить пожарную тревогу, чтобы создать панику». — Боб хмыкнул. — А когда все здание окажется запертым...

Он виновато улыбнулся, но Дарси показалось, что стыдился он, скорее, глупости плана, чем чего-то другого.

— Дальше можешь догадаться сама. Пара подростков, у которых уровень гормонов зашкаливал так, что они возбуждались от простого порыва ветра. Мы хотели сказать девчонкам, что отпустим их, если они от души трахнутся с нами. А если откажутся, нам придется их убить. И они бы точно согласились! — Он медленно кивнул головой. — Они бы согласились трахнуться, лишь бы остаться в живых. В этом Би-Ди был прав.

Боб погрузился в воспоминания, и глаза подернулись дымкой ностальгии. Ностальгии по чему? По безумным фантазиям юности? Дарси боялась себе признаться, что так и было.

— Мы не собирались покончить с собой, как эти тупые рокеры из Колорадо. Ни в коем случае! Под тем крылом был подвал, и Брайан говорил, там есть тоннель. По его словам, он начинался от кладовой и вел к старому пожарному депо по другую сторону Сто девятнадцатого шоссе. В пятидесятых годах в нашем здании располагались начальная и средняя школы, и детей на переменах выводили поиграть в парк, расположенный через дорогу. А чтобы не переходить шоссе, прорыли подземный тоннель.

Боб рассмеялся, и Дарси невольно вздрогнула. Он продолжил:

— Я поверил ему, а на самом деле он все выдумал. Осенью, когда начались занятия, я спустился в подвал, чтобы увидеть все своими глазами. Кладовка, забитая бумагой и пахнущая краской, которой тогда пользовались на ротаторе, там действительно была, а вот тоннеля не было. Мне так и не удалось его найти, а искал я очень тщательно, поскольку уже тогда отличался основательностью. Не знаю, врал он или действительно думал, что тоннель существует, но его там не было. Мы бы оказались запертыми наверху, и, кто знает, могли бы в конце концов действительно покончить с собой. Трудно предугадать, как поступит четырнадцатилетний подросток, верно? В этом возрасте мальчишки как живые бомбы — они готовы взорваться в любой момент.

Вот ты и «взорвался», так ведь, Боб? — подумала она.

— Не исключено, что в последний момент мы бы сдрейфили и пошли на попятный. А может, и нет. Би-Ди постоянно заводил меня рассказами, как мы сначала будем ощупывать девчонок, потом заставим раздеть друг друга... — Боб серьезно на нее посмотрел. — Я понимаю, это звучит как обыкновенные мальчишечьи фантазии, но они нарочно нас заводили, а затем потешались. Стоило с ними заговорить, как нас тут же поднимали на смех. А потом они собирались в углу кафетерия, смотрели на нас и смеялись. Такое никому не понравится, верно?

Он опустил взгляд на пальцы, нервно барабанившие по коленям, и вновь поднял глаза на Дарси.

— Ты должна понять, что Брайан умел убеждать. Он был намного хуже меня. Настоящий псих. Не забывай, в те годы бунтовала вся страна, вот и мы тоже.

Сомневаюсь, подумала она.

Ее поражало, что он рассказывал обо всем так обыденно, будто насилие и убийство были вполне обычными и даже естественными компонентами сексуальных фантазий всех взрослеющих мальчишек. Может, он и правда в это верил, как в свое время верил в мифический тоннель Брайана Делаханты? Откуда ей знать? Она слушала воспоминания безумца, не в силах поверить, что им оказался Боб. Ее Боб!

— Как бы то ни было, — продолжил он, пожимая плечами, — ничего так и не произошло. В то лето Брайан выскочил на дорогу и погиб. После похорон, когда все собрались у него дома на поминки, его мать предложила мне подняться в его комнату и взять что-нибудь на память, если захочу. А я хотел! Еще бы! Я забрал его тетрадь по геометрии, чтобы никто и никогда не смог в нее заглянуть и наткнуться на план по «Великой перестрелке и оргии в Касл-Роке». Это название придумал Брайан. — Боб горько рассмеялся. — Если бы я верил в Бога, то решил бы, что Бог спас меня от самого себя. И кто знает... может, на свете действительно существует нечто... Судьба... которая распоряжается нашими жизнями.

— А тебе, значит, Судьба уготовила пытаться и убивать женщин? — не выдержав, поинтересовалась Дарси.

Он с упреком взглянул на нее.

— Они были динамистками! — пояснил он, назидательно подняв палец, как делают учителя. — К тому же это был не я. Все это проделал Биди. Я просто отмечаю, что основания для этого были. И я сказал «проделал», а не «проделывает», не случайно, поскольку больше такое не повторится.

— Боб... твой друг Би-Ди давно умер. Его нет на свете почти сорок лет. Ты и сам это знаешь. В смысле, должен это понимать.

Он поднял руки, шутливо показывая, что сдаётся.

— Ты хочешь назвать это «самооправданием»? Наверное, именно такой диагноз поставил бы психиатр, и я рад, если ты так думаешь. Но послушай, Дарси! — Он подался вперед и упер палец ей в лоб. — Послушай и запомни: это был Брайан! Он заразил меня... Заразил своими мыслями, если можно так выразиться. Есть такие мысли, от которых просто невозможно избавиться. Как нельзя...

— ...запихнуть обратно в тюбик выдавленную зубную пасту?

Он хлопнул в ладоши так громко, что она едва сдержала крик испуга.

— Вот именно! Нельзя запихнуть обратно в тюбик выдавленную зубную пасту! Брайан умер, но его идея продолжала жить. Эта идея — захватить женщин, делать с ними абсолютно все, что только заблагорассудится, — стала его призраком.

Говоря это, он перевел взгляд на потолок, а потом посмотрел влево. Дарси где-то читала, что так человек выдает свою ложь, причем ложь намеренную. Но разве было важно, кому из них он лжет — себе или ей? Она решила, что нет.

— Я не стану вдаваться в подробности, — снова заговорил он. — Для любимого человека в этом нет ничего интересного. Хочешь — верь, хочешь — нет, но я тебя очень люблю, ты — женщина моей жизни. И ты должна знать, что я этому сопротивлялся. Я боролся с этим целых семь лет, но идея Брайана не оставляла меня в покое и становилась все навязчивее. И тогда я сказал себе: «Я сделаю это один-единственный раз, чтобы навсегда покончить с этим. Чтобы выкинуть его из моей головы! Если меня поймут, значит, так тому и быть, зато я перестану постоянно об этом думать и представлять, каково это!»

— Другими словами, простое удовлетворение мужского любопытства, — безучастно заметила она.

— Можно и так сказать.

— Вроде как заглянуть в бар посмотреть, что там за шум.

Он по-мальчишески пожал плечами:

— Типа того.

— Только ты не удовлетворял любопытство, Бобби. Ты не заглядывал в бар. Ты лишал жизни женщин!

На его лице не отразилось ни чувства вины, ни стыда, абсолютно ничего. Казалось, предохранитель, который должен был защитить их отношения, перегорел еще до того, как его успели поставить. Он хмуро взглянул на нее, как мальчишка, которого никак не желают понять.

— Дарси, они были динамистками!

Ей захотелось выпить воды, но она боялась встать и сходить в ванную. Боялась, что он ее остановит, и — что потом? Что потом?

— К тому же, — продолжил он, — я не думал, что меня поймают. Надо только проявить осторожность и действовать по плану. Не по такому дурацкому, который способны разработать озабоченные четырнадцатилетние подростки, а по вполне реальному. И я понял еще кое-что: сам я этого сделать не смогу. Я только все испорчу — меня подведут нервы или замучает совесть. Потому что я — хороший человек. Таким я себя всегда считал и продолжаю считать, как бы самонадеянно это ни звучало. И у меня есть на то основания, верно? Хороший дом, хорошая жена, два чудесных ребенка, которые выросли и начинают самостоятельную жизнь. Вот почему я два года бесплатно работал казначеем города. Вот почему я каждый год помогаю Винни Эшлеру проводить в День всех святых акцию по добровольной сдаче крови.

Можно было попросить Марджори Дюваль сдать кровь, подумала Дарси. У нее была первая группа, положительный резус.

Он расправил грудь и сказал с убежденностью человека, приводящего неоспоримый аргумент:

— Вот почему я занимаюсь детишками в скаутском движении. Я знаю, ты думала, я брошу это, когда Донни подрастет. Но я не бросил. Потому что дело не в нем, а совершенно в другом. Дело в людях, среди которых мы живем, в желании не только брать, но и возвращать.

— Тогда верни жизнь Марджори Дюваль. Или Стейси Мур. Или Роберту Шейверстону.

Услышав последнее имя, он вздрогнул, как от пощечины.

— Мальчик погиб случайно. Его там не должно было быть.

— А твое присутствие не было случайностью?

— Это был не я! — воскликнул Боб и добавил, с удивительным упорством не понимая всей абсурдности своих слов: — Я не прелюбодей! Это был Би-Ди! Это он заразил меня своими мыслями. Мне самому такое никогда не пришло бы в голову. Я подписал послания в полицию его именем, чтобы снять все вопросы. Конечно, я подписался немного иначе, поскольку пару раз назвал его по инициалам, когда рассказывал тебе о нем в самый первый раз. Ты об этом,

наверное, и не помнишь, а вот я помню!

Дарси поразились, с какой скрупулезностью он все продумывал и как досконально все помнил. Неудивительно, что его не поймали. Если бы она не споткнулась об эту проклятую коробку...

— Никто из них не имел ни малейшего отношения ни ко мне, ни к моему бизнесу. Это было бы очень плохо. И очень опасно. Но я много разъезжаю и очень наблюдателен. И Би-Ди, который сидит во мне постоянно, тоже. Мы выискиваем динамисток. Их всегда видно. Они носят слишком короткие юбки и нарочно выставляют напоказ бретельки лифчика. Они искушают и соблазняют мужчин. Взять хотя бы ту же Стейси Мур. Уверен, ты о ней читала. Она была замужем, но это отнюдь не мешало ей тереться об меня грудями. Она работала официанткой в кофейне Уотервилля. Я ездил туда в магазин монет Миклсона, помнишь? Пару раз ты даже составила мне компанию, когда Петс училась в колледже. А потом Джордж Миклсон умер, его сын все распродал и переехал в Новую Зеландию или еще куда-то. Так вот, эта женщина заигрывала со мной так, что ты даже представить себе не можешь, Дарси! Всегда интересовалась, не хочу ли я чем-нибудь подсластить кофе, спрашивала про бейсбол, а сама наклонялась, прижималась грудью к плечу, делала все, чтобы я возбудился. И, должен признаться, безуспешно. Я — мужчина с естественными мужскими потребностями и реакциями, и хотя ты мне никогда не отказывала... все же... я — нормальный мужчина с повышенным содержанием тестостерона в крови. Некоторые женщины это чувствуют и пользуются этим. Это их заводит.

Он задумчиво смотрел на свои колени. Потом вдруг резко вскинул голову от неожиданной мысли. Редкие волосы всколыхнулись и улеглись на место.

— И они все время улыбаются! Красная помада и вечная улыбка! Я всегда узнаю эти улыбки. Как и большинство мужчин. «Ха-ха, я вижу, чего ты хочешь, но дальше откровенного флирта дело не пойдет, так что довольствуйся тем, что имеешь». Я-то мог довольствоваться, а вот Би-Ди — нет! — Он медленно покачал головой. — Таких женщин очень много. Узнать их имена проще простого, а потом выяснить про них все по Интернету. Там полно информации, если знать, как искать, а уж бухгалтеры знают. Я проделывал это... десятки раз. Может, даже сто. Наверное, это мое хобби. Я собирал информацию точно так же, как коллекционировал монеты. Обычно это ничем не заканчивалось. Но иногда Би-Ди говорил: «Вот этой надо заняться вплотную, Бобби. Вот этой! Мы вместе составим план, а когда придет время, на сцену выйду я». Вот так все и происходило.

Боб сжал ее холодные вялые пальцы в своей руке.

— Ты считаешь меня сумасшедшим. Я вижу это по твоим глазам. Но я не сумасшедший, Дарси. Это все Би-Ди... или Биди, если тебе больше нравится его псевдоним для прессы. Кстати, если ты внимательно читала статьи, то наверняка заметила, что я нарочно делал много ошибок в словах и даже в адресе. Я храню список сделанных ошибок в бумажнике, чтобы обязательно повторить их в следующей записке. Это чтобы направить полицию по ложному следу. Я хочу, чтобы копы считали Биди тупым, во всяком случае, малограмотным, и они действительно так считают! За все эти годы меня допрашивали лишь один раз, и то — как свидетеля. Было это давно. Примерно через две недели после того, как Би-Ди убил Стейси Мур. Какой-то хромой старик, уходящий в отставку. Попросил меня перезвонить, если я вдруг что вспомню. Я обещал. Смех, да и только!

Он едва слышно фыркнул, как иногда делал, когда они вместе смотрели сериалы «Современная семья» или «Два с половиной человека». Подобная реакция означала, что он оценил ту или иную шутку, и до сегодняшней ночи даже увеличивала удовольствие, которое

Дарси получала от забавных перипетий на экране.

— И знаешь, что еще, Дарси? Если меня поймают с поличным, я во всем признаюсь. По крайней мере мне так кажется. Вряд ли кто-нибудь может сказать наверняка, как поступит в подобной ситуации. Но никаких деталей я сообщить не смогу. Потому что я почти ничего не помню о самих... событиях. Все делает Биди, а я... даже не знаю, как сказать... Как будто отключаюсь. Похоже на амнезию. Проклятие!

— И знаешь, что еще, Дарси? Если меня поймают с поличным, я во всем признаюсь. По крайней мере мне так кажется. Вряд ли кто-нибудь может сказать наверняка, как поступит в подобной ситуации. Но никаких деталей я сообщить не смогу. Потому что я почти ничего не помню о самих... событиях. Все делает Биди, а я... даже не знаю, как сказать... Как будто отключаюсь. Похоже на амнезию. Проклятие!

Ах ты, лжец! Ты все отлично помнишь. Это видно по твоим глазам, по тому, как кривится рот.

— А теперь... все в руках Дарселлен. — Он поднес к губам ее руку и поцеловал, будто подтверждая сказанное. — Помнишь старое выражение: «Я могу тебе сказать, но тогда мне придется тебя убить»? Оно нам не подходит. Я никогда не смог бы тебя убить. Все, что я делаю, все, что я заработал... может, и не так много, как хотелось бы... я делал и зарабатывал ради тебя. И ради детей, конечно, тоже, но в основном ради тебя. Ты вошла в мою жизнь, и знаешь, что произошло?

— Ты остановился, — сказала она.

Он просиял.

— На двадцать лет!

На шестнадцать, подумала она, но вслух ничего не сказала.

— Все эти годы, пока мы растили детей и пытались наладить бизнес с монетами — и это твоя заслуга, что мы преуспели, — я мотался по Новой Англии, составляя налоговые декларации и учреждая фонды...

— Это твоя заслуга, — поправила она и поразилась, услышав в своем голосе теплоту и покой. — Это все твои знания и опыт.

Он был так тронут, что, казалось, снова заплачет, а потом хрипло произнес:

— Спасибо, милая. Ты не представляешь, как важно для меня это услышать. Ты спасла меня. И не один раз. — Он откашлялся. — Больше десяти лет Би-Ди не давал о себе знать. Я даже решил, что он ушел. Честно. Но потом он вернулся. Как призрак. — Боб помолчал, будто обдумывая свои слова, и медленно кивнул. — Он и есть призрак. Очень плохой. Он снова начал указывать на женщин, когда я ездил по стране: «Посмотри-ка на эту. Она хочет, чтобы ты увидел ее соски, но если ты до них дотронешься, она вызовет полицию, а потом будет смеяться с подругами, наблюдая, как тебя уводят... Посмотри-ка на эту, как она облизывает губы языком. Она знает, о чем ты думаешь и чего хочешь от этих губ, знает, что дразнит тебя, и ты это понимаешь... Или вон та, что демонстрирует трусики, когда вылезает из машины, а если ты считаешь, что она делает это случайно, то ты полный кретин! Она просто „динамо“, которая уверена, что ей все сойдет с рук».

Он замолчал. Потемневшие глаза смотрели в пол. Это был взгляд того Боба, который так успешно от нее скрывался двадцать семь лет. Того самого, которого он пытался выдать за призрак.

— Когда у меня появились такие мысли, я пытался их гнать. Есть журналы... Особые журналы... Я покупал их до нашего знакомства... И я подумал, что если снова... Даже не знаю... Наверное, хотел заменить реальность фантазией... Но если хоть раз попробовал это сделать по-настоящему, то никакая фантазия это не заменит.

Он говорил так, подумала Дарси, будто рассказывал о каком-то любимом деликатесе. Об икре. О трюфелях. О бельгийском шоколаде.

— Но я остановился. И держался долгие годы. Я могу снова остановиться, Дарси. На этот раз навсегда! Если у нас есть шанс. Если ты сможешь простить меня и просто перевернуть эту страницу. — Он поднял на нее влажные от слез глаза. — Ты сможешь?

Она подумала о женщине, закопанной в сугробе, о ее голых ногах, показавшихся в снегу после прохода трактора. Ее лелеяла мама, ею гордился отец, растроганный неуклюжими движениями своей маленькой любимицы в розовой пачке на празднике в школе. Дарси подумала о матери и сыне, тела которых нашли в черном ручье, почти затянутом льдом. Она подумала о женщине с головой в кукурузе.

— Мне надо подумать, — осторожно сказала она.

Он схватил ее за руки и подался вперед. Усилием воли она заставила себя стоять прямо и посмотрела ему в глаза. Это были его глаза... и не совсем его.

Может, в его словах о призраке и есть доля истины, подумала Дарси.

— Мы не в кино, и мы не смотрим фильм, где сумасшедший муж гоняется за визжащей женой по всему дому. Если ты решишь обратиться в полицию и выдать меня, я не стану тебе препятствовать. Но я знаю, что ты думала, как это может отразиться на детях. Иначе ты была бы не той женщиной, на которой я женился. Но ты вряд ли подумала о том, что станет с тобой. Никто не поверит, что за столько лет брака ты ничего не знала... и даже не подозревала. Тебе придется уехать и жить на наши скромные сбережения, поскольку деньги всегда зарабатывал я, а в тюрьме я зарабатывать не смогу. Но и от них может ничего не остаться из-за гражданских исков. А дети...

— Никогда не упоминай детей, когда мы говорим об этом! Слышишь — никогда!

Он покорно кивнул, продолжая держать ее за руки.

— Мне однажды удалось одолеть Би-Ди, и я держался двадцать лет...

Шестнадцать, подумала она. *Шестнадцать, и тебе это отлично известно.*

— ...и я снова могу его одолеть. Если ты поможешь мне, Дарси. С твоей помощью я способен сделать все! Даже если он вернется через двадцать лет, что с того? Да ничего! Мне уже будет семьдесят три, а в инвалидном кресле охотиться за динамистками уже вряд ли получится. — Он засмеялся, представив эту нелепую картину, но тут же стал снова серьезным. — Послушай меня. Если я вдруг оступлюсь хоть один-единственный раз, я покончу с собой. Дети никогда ничего не узнают, и на них не скажется это... бесчестье... ведь все будет выглядеть как несчастный случай... только ты будешь знать. И будешь знать почему. Что скажешь? Мы

можем перевернуть страницу?

Дарси сделала вид, что размышляет. Она действительно размышляла, правда, не в том направлении, которое ему представлялось.

А думала она вот что: *Наркоманы тоже заверяют, что никогда в жизни больше не притронутся к дури. Что останавливались раньше и могут остановиться теперь. Только на самом деле все иначе, даже когда сами искренне верят в свои слова. И с ним то же самое. Что мне делать? Мне не удастся провести его, потому что мы слишком долго прожили вместе.*

Ей ответил холодный голос, о существовании которого она никогда не подозревала. Наверное, какой-то аналог голоса Би-Ди, твердящего Бобу о динамистках в ресторанах, на улицах, в дорогих кабриолетах с опущенным верхом, перешептывающихся и понимающе переглядывающихся друг с другом на балконах своих квартир.

А может, это был голос ее двойника из зазеркалья.

А почему нет? — спросил голос. *В конце концов, он же тебя... одурачил.*

Но что потом? Она понятия не имела. Все происходило здесь и сейчас, и думать нужно было именно об этом.

— Ты должен обещать остановиться, — сказала она медленно, будто с трудом подбирая слова. — Дать самую священную клятву, которую невозможно нарушить.

На лице Боба отразилось такое облегчение, что он даже стал похож на мальчишку, и она невольно растрогалась. Он редко напоминал мальчишку. Правда, этот мальчишка некогда собирался отправиться в школу с оружием.

— Я обещаю, Дарси. Клянусь! Я уже говорил.

— И мы никогда больше не будем об этом говорить.

— Обещаю.

— И ты не станешь посылать документы Дюваль в полицию.

На его лице отразилось разочарование — тоже мальчишеское, — но она была непреклонна. Он должен прочувствовать наказание, пусть даже в такой мелочи. Тогда он поверит, что сумел убедить ее.

А разве нет, Дарселлен? Разве это не так?

— Мне мало одних обещаний, Бобби. Не по словам судят, а по делам. Ты отправишься в лес, выроешь яму и закопаешь там документы женщины.

— А когда я это сделаю, мы...

Она протянула руку и закрыла ему ладонью рот.

— Тсс! Ни слова больше! — Она постаралась придать голосу суровость.

— Хорошо! Спасибо, Дарси. Спасибо!

— Не понимаю, за что ты меня благодаришь. — А затем она заставила себя договорить до конца, хотя при одной мысли, что он будет лежать рядом, почувствовала омерзение и гадливость. — А теперь раздевайся и ложись в постель. Нам обоим надо поспать.

10

Боб уснул, едва коснувшись головой подушки, и сразу мирно засопел, изредка похрапывая, а Дарси долго лежала с открытыми глазами, боясь, что если уснет, то проснется, почувствовав его руки у себя на горле. Как-никак он же был сумасшедшим! Добавив ее к своим предыдущим жертвам, он получит дюжину.

Но он говорил очень искренне, подумала она, когда небо на востоке начало светлеть. Он говорил, что любит меня, и это — правда. А когда я сказала, что сохраню его тайну — а ведь к этому все и сводится, — он мне поверил. А почему бы ему не поверить? Я и себя почти убедила.

Может ли он выполнить свое обещание? В конце концов, есть же наркоманы, которым удается излечиться! Ради себя лично она бы ни за что не стала его покрывать, но ради детей?

Я не могу! И не буду!

Может ли он выполнить свое обещание? В конце концов, есть же наркоманы, которым удается излечиться! Ради себя лично она бы ни за что не стала его покрывать, но ради детей?

Я не могу! И не буду!

А какой у меня выбор?

Что, черт возьми, я могу поделать?

Над этим вопросом бился ее измученный и сбитый с толку мозг, когда сон наконец взял свое.

Ей снилось, что она входит в столовую и видит женщину, прикованную цепями к их большому обеденному столу. Женщина полностью обнажена, и только на голове у нее черный кожаный капюшон, прикрывающий верхнюю половину лица.

«Я не знаю эту женщину, она мне незнакома», — подумала Дарси во сне, но вдруг та обратилась к ней с вопросом:

— Мама, это ты? — Это был голос Петры.

Дарси пыталась закричать, но во сне такое удается не всегда.

11

Когда Дарси проснулась, чувствуя себя несчастной и совершенно разбитой, мужа в кровати не было. Часы на своей тумбочке Боб перевернул обратно, и они показывали четверть одиннадцатого. Так поздно она не просыпалась уже несколько лет, правда, и уснуть ей удалось лишь под утро, а сны были наполнены кошмарами.

Выйдя из туалета, она накинула халат, висевший в ванной комнате, и почистила зубы — во рту было противно и мерзко. «Как на дне птичьей клетки», — по образному выражению Боба наутро после редких для него случаев лишнего бокала вина за ужином или второй бутылки пива во время бейсбола. Она прополоскала рот, потянувшись положить на место зубную щетку и замерла, увидев себя в зеркале. На нее смотрела женщина не средних лет, а уже пожилая: бледная кожа, глубокие складки у губ, темные мешки под глазами, всклокоченные волосы от беспокойного метания по подушке. Но ее внимание привлекло вовсе не это, и о своей внешности она думала меньше всего. Она пристально смотрела за плечо своего отражения, где сквозь открытую дверь ванной было видно их спальню. Спальня оказалась чужой. Спальня из зазеркалья. Дарси видела шлепанцы мужа, но и шлепанцы были чужими. Просто огромными, как у великана. Они принадлежали Мужу из зазеркалья. А большая кровать с мятыми простынями и скомканными одеялами? Тоже из зазеркалья. Дарси перевела взгляд на свое отражение: женщина с растрепанными волосами и испуганным взглядом воспаленных глаз. Жена из зазеркалья во всей своей красе. Ее имя тоже было Дарси, а вот фамилия — другая. Ту женщину звали миссис Брайан Делаканти.

Дарси наклонилась к зеркалу и почти коснулась носом его поверхности. Она задержала дыхание и приложила к лицу ладони, совсем как та маленькая девочка из детства в перепачканных травой шортах и спущенных белых носочках. Она долго вглядывалась в зеркало, а когда дыхания не хватило, выдохнула, и на поверхности тут же запотело пятно. Дарси вытерла его полотенцем и направилась вниз. Начинался ее первый день в качестве жены чудовища.

Под сахарницей он оставил записку.

Дарси!

Я ушел с документами сделать так, как ты просила. Я тебя очень сильно люблю.

Боб.

Возле своего имени он подрисовал сердечко, чего не делал уже много лет. Она вдруг почувствовала, как на нее накатила волна щемящей любви, такой же безудержной и властной, как аромат увядающих цветов. Ей захотелось скорбно завывать — точно так же, как сокрушалась женщина в каком-то сюжете Ветхого Завета, — но она сумела подавить крик, прижав к губам салфетку. В бачке капала вода, отсчитывая секунды жизни. Язык был похож на сухую губку, засунутую в рот. Она физически ощущала, как время — то время, что ей предстояло провести в этом доме в качестве его жены, — обволакивало ее тело смирительной рубашкой. Или укладывало в гроб. Она оказалась в мире, в который верила ребенком. Этот мир всегда был рядом и просто терпеливо ее ждал.

Урчание холодильника, звук капель в мойке, уходящие секунды. Она оказалась в зазеркалье, где реальностью оказывалось отражение.

12

Когда Донни играл на позиции между второй и третьей базами детской бейсбольной команды «Кавендиш хардвер», ее тренировал Боб вместе с Винни Эшлером — большим любителем польских анекдотов и крепких мужских объятий. Дарси помнила, что сказал ее муж мальчишкам после поражения в финале турнира 19-го округа, видя, что многие с трудом сдерживают слезы. Это было в 1997 году, примерно за месяц до убийства Стейси Мур, голову

которой он засунул в мешок с кукурузой. Его обращение к подавленным и хлюпающим носами мальчишкам было коротким, мудрым и удивительно доброжелательным. Она считала так тогда и продолжала считать и спустя тринадцать лет.

Он сказал: Я знаю, как вам сейчас плохо, но завтра снова взойдет солнце и наступит новый день. И вам станет чуть легче. А потом опять взойдет солнце, и послезавтра снова станет чуть легче. Это просто часть вашей жизни, и она осталась позади. Конечно, выиграть было бы лучше, но в любом случае это уже в прошлом. Жизнь продолжается.

И так же продолжалась жизнь после ее злосчастного похода в гараж за батарейками. Первый долгий день, последовавший за чудовищным открытием, Дарси провела дома, она не могла себя заставить выйти на улицу, так как боялась, что, увидев ее, все сразу поймут, что произошло. Когда Боб вернулся с работы домой, он сказал:

— Милая, насчет вчерашней ночи...

— Вчера ночью ничего не было. Ты просто вернулся из командировки пораньше, вот и все.

Он опять по-мальчишески повинно опустил голову, а когда поднял ее, на лице сияла широкая, полная благодарности улыбка.

— Тогда ладно. Дело закрыто?

— Дело закрыто.

Он распахнул объятия.

— Давай тогда поцелуемся, любимая.

Она повиновалась, размышляя при этом, целовал ли он своих жертв.

Ей представилось, как он говорит: «Поработай-ка своим умелым язычком, и я не стану его отрезать. Не стесняйся вложить в это свою заносчивую душонку».

Чуть отстранившись, Боб положил руки ей на плечи.

— Все, как прежде?

— Все, как прежде.

— Уверена?

— Да. Сегодня я ничего не готовила и не хочу никуда выходить. Может, переоденешься и съездишь за пиццей?

— Хорошо.

— И не забудь принять таблетку от изжоги.

Он просиял:

— Обязательно!

Она смотрела, как муж мчался наверх по ступенькам, и собиралась уже сказать, чтобы он не

спешил и поберег сердце, но промолчала.

Не надо.

Пусть не бережет, если не хочет.

13

На следующий день взошло солнце. И потом тоже. Прошла неделя, две, и так — месяц. Они вернулись к прежней жизни, сложившемуся укладу долгого брака, состоявшему из мелочей и привычек. Она чистила зубы, пока он принимал душ и напевал какой-нибудь хит времен восьмидесятых не очень мелодичным голосом, но без фальши. Однако теперь Дарси чистила зубы, накинув халат, а не обнаженной, как раньше, когда отправлялась в душ сразу после Боба. Теперь она принимала душ только после его ухода на работу. Если он и заметил эту перемену, то ничего не сказал. Она снова стала посещать клуб любителей книги, объяснив небольшой пропуск другим членам, из которых только двое были мужчинами, да и то на пенсии, тем, что немного простудилась и не хотела заражать остальных, высказывая мнение о новой книге Барбары Кинг-солвер. Все понимающе кивнули. Еще через неделю Дарси возобновила занятия в кружке вязания. Иногда она ловила себя на том, что, вернувшись из магазина или с почты, начинала подпевать мелодии, звучавшей по радио. Они с Бобом вечерами смотрели телевизор, причем только комедии или юмористические передачи, но никогда — сводки криминальной хроники. Теперь он приходил с работы рано и после той поездки в Монпелье никуда больше не ездил. Он установил на своем компьютере какую-то программу под названием «Скайп» и уверял, что может увидеть монеты, никуда не уезжая и не тратя деньги на бензин. Он не добавлял, что вдобавок оградил себя от искушений, но это и так было понятно. Дарси следила, читая прессу, не всплывут ли где-нибудь документы Марджори Дюваль, понимая, что если муж обманул ее в этом, то обманет и в другом. Документы так и не всплыли. Раз в неделю они ходили в один из двух недорогих ресторанов Ярмута. Боб заказывал отбивную, а Дарси рыбу. Из напитков он предпочитал чай со льдом, а она — клюквенный морс. От старых привычек трудно отказаться. Дарси считала, что зачастую от них может избавить только смерть.

Днем, когда Боб был на работе, она стала редко включать телевизор. Он мешал ей слушать успокаивающее урчание холодильника и побряхтывание их уютного дома, готовящегося к зиме. И еще телевизор мешал думать. И напоминал о том, что муж рано или поздно возьмется за старое. Она не сомневалась, что Боб будет держаться изо всех сил, но когда-нибудь Биди все равно одержит верх. Боб не станет больше посылать в полицию документы очередной жертвы, считая, что этого будет достаточно, чтобы обмануть ее, и не очень переживая, что она все равно догадается. Он решит, что теперь она его соучастница. Ей придется подтвердить, что она была в курсе. Полицейские легко заставят ее признаться, даже если она и попытается молчать.

Из Огайо звонил Донни. Бизнес стремительно набирал обороты: они получили заказ на продвижение офисного оборудования и могли выйти на национальный уровень. Дарси обрадовалась, и Боб с готовностью ее поддержал, откровенно признав, что недооценил шансы Донни на успех в столь молодом возрасте. Петра тоже звонила и сообщила, что они скорее всего выберут для подружек невесты голубые платья «колоколом» длиной по колено и такого же цвета шифоновые шарфики. Она спрашивала, как, по мнению Дарси, не будет ли это выглядеть слишком по-детски? Дарси ответила, что ей кажется это очень милым, а потом они углубились в обсуждение тужурки: голубые лодочки на среднем каблучке. В Бока-Гранде заболела мать Дарси. Сначала ее даже хотели положить в больницу, но когда стали давать

какое-то новое лекарство, она выздоровела. Солнце восходило и заходило. В витринах магазинов постеры с тыквенными фонарями в честь Хэллоуина сменились постерами с индейками на День благодарения, а затем и рождественскими украшениями. Первые снежинки закружились в воздухе точно по расписанию.

Когда Боб, забрав портфель, уезжал на работу, Дарси расхаживала по комнатам и надолго задерживалась у зеркал, спрашивая женщину из того, другого мира, что ей делать.

И все чаще приходила к выводу, что делать ничего не нужно.

14

В один из не по сезону теплых дней за две недели до Рождества Боб неожиданно явился с работы сразу после обеда, громко окликая ее по имени. Дарси была наверху и читала книгу. Оставив ее на тумбочке рядом с ручным зеркалом, которое теперь постоянно там лежало, она бросилась вниз. Ее первой мыслью — ужасом, смешанным с облегчением, — было то, что все наконец закончилось. Его вычислили. Скоро сюда примчится полиция. Его заберут, а потом копы вернутся и начнут задавать старые как мир вопросы: что она знала и когда она это узнала?.. На улице выстроятся фургоны телевизионщиков. Молодые ведущие с красивыми прическами начнут трансляцию в прямом эфире от их дома.

Однако в голосе Боба не было страха. Дарси это почувствовала еще до того, как он подошел к лестнице и повернулся к ней лицом. В его голосе слышалось волнение и даже ликование.

— Боб? Что...

— Ты ни за что не поверишь! — Пальто распахнуто, лицо покраснелось, а редкие волосы всклокочены. Как будто он всю дорогу мчался на машине с опущенными стеклами. Поскольку день был теплым, Дарси решила, что наверняка так и было.

Она осторожно спустилась вниз и остановилась на первой ступеньке, их глаза оказались на одном уровне.

— Рассказывай!

— Потрясающая удача! Ты даже не представляешь! Если и мог быть послан какой-то знак, что я — что мы! — на правильном пути, то вот он! — Боб вытянул вперед сжатые в кулаки руки. Глаза сияли и буквально искрились счастьем. — В какой руке? Выбирай!

— Боб, мне не до шу...

— Выбирай!

Она показала на правую руку, чтобы побыстрее покончить с этим. Он засмеялся:

— Ты прочитала мои мысли! Но ты всегда это умела, так ведь?

Он перевернул кулак и раскрыл его. На ладони реверсом вверх лежала одна-единственная монетка — «пшеничный цент». Обычной чеканки, но отлично сохранившаяся. Если на аверсе с изображением Линкольна нет царапин, то степень сохранности можно отнести к «хорошей» или даже «очень хорошей». Дарси потянулась за ней, но рука тут же замерла. Он кивнул, разрешая взять. Она перевернула монету, не сомневаясь, что увидит на аверсе. Ничто другое

не могло привести его в такой восторг. И действительно, чеканка с ошибкой «двойная плашка», отчего цифры «1955» выглядели удвоенными. Нумизматы называют это «двойная дата».

— Господи Боже, Бобби! Где?.. Ты ее купил? — На недавнем аукционе в Майами «пшеничный цент» 1955 года ушел за рекордную сумму, превышающую восемь тысяч долларов! Монета у Боба была, конечно, не в таком идеальном состоянии, но ни один коллекционер в здравом уме не уступил бы ее менее чем за четыре тысячи.

— Господи, конечно же, нет! Меня пригласили на обед в тайский ресторан «Восточные грезы», и я почти согласился, но закопался с чертовыми счетами «Вижн ассошиэйтс». Это частный банк, помнишь, я рассказывал тебе о нем? Так вот, я дал Монике десять долларов и попросил купить мне у метро сэндвич и бутылку «Фрутопии». Она так и сделала, положив сдачу в тот же пакет. Я высыпал деньги... и обомлел! — Боб забрал у нее монету и поднял над головой, счастливо смеясь.

Она рассмеялась вместе с ним, а потом вдруг неожиданно вспомнила: «ОН НЕ СТРАДАЛ». В последние дни она это часто вспоминала.

— Потрясающе, правда?

— Да, — согласилась она. — Я так за тебя рада! — Как ни удивительно, но она не лукавила. За долгие годы он не раз посредничал в покупке этой монеты и вполне мог позволить себе приобрести такую для своей коллекции. Но это совсем не то, что натолкнуться на «пшеничный цент» по воле случая. Он даже запретил ей дарить ему эту монету на Рождество или день рождения. Когда-то он сказал ей, что случайная находка является самым радостным для коллекционера событием, и вот теперь он стал счастливым обладателем монеты, ради которой всю свою жизнь перебирал полученную сдачу. Его мечта осуществилась, материализовавшись из пакета вместе с сэндвичем с ветчиной и индейкой.

Боб заключил Дарси в объятия. Она тоже обняла его, но быстро отстранилась.

— Как ты с ней поступишь, Бобби? Поместишь в пластиковый кубик?

Она его поддразнивала, и он это оценил. Изобразив пальцами пистолет, он прицелился ей в голову и «выстрелил». Она не возражала, потому что когда тебя убивают из воображаемого пистолета, ты не «страдаешь».

Она продолжала ему улыбаться, но после короткого приступа нахлынувшей любви снова увидела в нем того, кем он был на самом деле — Мужем из зазеркалья. Голлумом со «Своей Прелестью»[2].

— Ты же знаешь, что нет. Я ее фотографирую и повешу снимок на стену, а саму монету уберу в нашу ячейку в банке. Как думаешь, она «хорошая» или «очень хорошая»?

Дарси внимательно осмотрела монету и вернула ему с виноватой улыбкой:

— Мне бы очень хотелось сказать «очень хорошая», но...

— Да, я и сам знаю, но это не важно! Дареному коню в зубы не смотрят, но трудно удержаться от искушения. Хотя она лучше, чем «весьма удовлетворительная»? Только честно, Дарси!

Если честно, я думаю, что ты снова возьмешься за старое.

— Лучше, чем «весьма удовлетворительная», точно!

Он перестал улыбаться, и на какое-то мгновение ей даже показалось, будто он прочитал ее мысли. Следовало быть осторожной: по эту сторону зеркала тоже надо уметь хранить тайны.

— Дело вовсе не в степени сохранности. Дело в самом факте. Получить ее не от торговца, не по каталогу, а случайно найти среди мелочи, когда совершенно этого не ждешь!

— Знаю, — улыбнулась Дарси. — Будь здесь сейчас мой отец, он бы точно открыл бутылку шампанского.

— Я исправлю это досадное недоразумение сегодня за ужином, — сказал он. — Причем не в Ярмуте. Мы поедем в Портленд. В «Жемчужину побережья». Что скажешь?

— Дорогой, даже не знаю...

Он положил ей руки на плечи, как делал всегда, когда хотел показать, что говорит очень серьезно.

— Соглашайся. Сегодня будет достаточно тепло, чтобы ты смогла покрасоваться в своем лучшем летнем платье. Я слышал прогноз погоды, когда ехал домой. И я куплю столько шампанского, сколько ты сумеешь выпить. Неужели ты сможешь отказаться от такого заманчивого предложения?

— Ну... — Она подумала и улыбнулась. — Не смогу.

15

Они выпили не одну, а целых две бутылки дорогого французского шампанского, причем пил в основном Боб. Соответственно за руль тихо урчащей маленькой «тойоты» мужа села Дарси, а он устроился на пассажирском сиденье рядом, тихонько напевая «Грошики с небес», как обычно без фальши, но и не особенно мелодично. Дарси поняла, что он пьян. Не просто навеселе, а действительно пьян. Впервые за последние десять лет. Обычно Боб очень следил за тем, сколько пил, а если на какой-нибудь вечеринке его спрашивали, почему он не пьет, часто отвечал, что алкоголь — это вор, который крадет разум. Сегодня, вне себя от радости из-за столь ценной находки, он позволил себе потерять разум, и когда он заказал вторую бутылку, Дарси поняла, как поступит. В ресторане она еще не была уверена, что сможет осуществить свой план, но, слушая, как он тихо мурлычет мелодию, окончательно решилась. Конечно, она может это сделать! Она же теперь была Женой из зазеркалья, а та знала: то, что он считал своей удачей, на самом деле было ее удачей и ничьей другой.

16

Дома он кинул пиджак на вешалку и притянул Дарси к себе для долгого поцелуя. Она чувствовала в его дыхании запах шампанского и сладкого крем-брюле. Неплохое сочетание, но если удастся осуществить задуманное, то потом ей вряд ли когда-нибудь захочется попробовать как одно, так и другое. Его рука скользнула вниз и остановилась на ее груди. Она немного подождала, а потом слегка оттолкнула его. На лице Боба отразилось разочарование, но оно исчезло, стоило ей улыбнуться.

Дома он кинул пиджак на вешалку и притянул Дарси к себе для долгого поцелуя. Она чувствовала в его дыхании запах шампанского и сладкого крем-брюле. Неплохое сочетание, но если удастся осуществить задуманное, то потом ей вряд ли когда-нибудь захочется попробовать как одно, так и другое. Его рука скользнула вниз и остановилась на ее груди. Она немного подождала, а потом слегка оттолкнула его. На лице Боба отразилось разочарование, но оно исчезло, стоило ей улыбнуться.

— Я пойду наверх снять платье, — сказала Дарси. — В холодильнике стоит бутылка перье. Если вы принесете мне стаканчик минералки с ломтиком лайма, мистер, то не пожалеете.

Он ответил радостной — и такой родной! — улыбкой. Из всего арсенала ритуалов совместной жизни, выработанных за долгие годы брака, лишь один так и остался не возобновленным с той ночи, как он, почуяв неладное, примчался домой из Монпелье. Да, он именно почуял это, как матерый волк чует отраву. Изо дня в день Боб старательно восстанавливал свои позиции, возводя стену, подобно Монтрезору, замуровывавшему Фортунато[3], и секс на брачном ложе должен был стать последним камнем кладки.

Боб шутливо щелкнул каблуками и отдал салют на британский манер, приложив пальцы ко лбу и вывернув ладонь.

— Слушаюсь, мэ.м.

— И поторопитесь, — игриво сказала Дарси. — Не заставляйте женщину ждать.

Поднимаясь наверх, она подумала: «У меня ничего не выйдет. Кончится тем, что он меня убьет. Он считает, что не способен на это, а я уверена, что способен».

Может, так будет даже лучше. При условии, конечно, что он не станет ее сначала мучить, как мучил тех женщин. Ее устраивало любое развитие событий. Невозможно провести остаток жизни, заглядывая в зеркала. Она уже не была ребенком и не могла рассчитывать, что с возрастом это пройдет.

Дарси прошла в спальню, но только для того, чтобы положить сумочку рядом с зеркальцем на тумбочке. Потом она снова вышла и крикнула:

— Ты скоро, Бобби? Я заждаюсь газировки!

— Уже бегу, мэ.м, как раз лью ее на кусочки льда!

Слегка покачиваясь, он вышел из гостиной в холл, держа на вытянутой руке хрустальный бокал, — так обычно делают официанты в юмористических сериалах. Он оперся на перила свободной рукой и начал медленно подниматься по ступенькам, стараясь не расплескать воду с метавшимся по поверхности ломтиком лайма. Лицо светилось радостью, настроение у него было отличное. На мгновение Дарси отказалась от задуманного, но тут перед ее глазами с удивительной четкостью предстали образы Хелен и Роберта Шейверстон. Сын и мать, над которой надругались и чье тело изуродовали, лежали рядом в массачусетском ручье, уже начавшем затягиваться льдом...

— Стакан перье для леди, сию мин...

Она увидела, как в самый последний момент он вдруг догадался, и в его глазах промелькнуло

нечто желтое и древнее. Не просто удивление, а ярость шока. И последние сомнения исчезли. Он никого не любил, а ее тем более. Его доброта, заботливость, внимание, открытые улыбки были не более чем искусной маскировкой. Он был раковиной, внутри которой царил пустота.

Дарси толкнула его.

Движение получилось резким, и Боб, кувыркаясь, полетел вниз, ударившись о ступеньки сначала коленями, потом рукой и, наконец, лицом. Громко хрустнула сломанная рука. Тяжелый хрустальный бокал разбился вдребезги. Боб продолжал катиться вниз, и снова хрустнула какая-то кость. Он закричал от боли и, перевернувшись в последний раз, распластался на деревянном, но очень твердом полу гостиной. Сломанная в нескольких местах рука замерла над головой, вывернувшись под неестественным углом. Шея тоже оказалась свернута, он лежал, прижавшись к полу щекой.

Дарси бросилась вниз. Наступив на кусок льда, она поскользнулась и едва удержалась на ногах, успев ухватиться за перила. Увидев, как у основания шеи Боба сзади вздулась огромная шишка, а натянувшаяся на ней кожа стала неестественно белой, она сказала:

— Не двигайся, Боб. По-моему, у тебя сломана шея.

Он с трудом закатил глаза, чтобы взглянуть на нее. Из носа сочилась кровь — похоже, он тоже был сломан, — но еще больше крови шло горлом. Захлебываясь, он сумел выдавить:

— Ты толкнула меня! Дарси, зачем?

— Не знаю, — ответила она, не сомневаясь, что им обоим известна причина. И начала плакать. Слезы катились сами собой: как-никак это был ее муж, и ему было больно. — Господи, я не знаю! На меня что-то нашло. Мне так жаль. Не шевелись, я позвоню в 911 и вызову «скорую помощь».

Он пошевелил ногой.

— Я не парализован. Слава Богу! Но больно ужасно!

— Я знаю, милый.

— Вызови «скорую». Скорее!

Она прошла на кухню, бросила мимолетный взгляд на телефон и открыла дверцу шкафчика под мойкой.

— Алло? Алло? Это 911? — Дарси достала упаковку пластиковых пакетов, в которые они обычно собирали объедки от ростбифа или курицы, и вытащила один. — Меня зовут Дарселлен Андерсон. Мой адрес Шугар-Милл-лейн, 24, в Ярмуте. Записали?

Из другого ящика она достала полотенце для посуды. Слезы продолжали литься ручьем. «Наревела целое ведро слез», — как говорили в детстве. Плач помогал. Ей надо было поплакать, и не только для того, чтобы потом все выглядело правдоподобно. Боб ее муж, ему больно, и ее слезы естественны. Она его помнила, когда он еще не начал лысеть. Она помнила, как эффектно он заканчивал танец, когда они вместе кружились под песню Кенни Логгинса. Он дарил ей розы на каждый день рождения, никогда не забывал. Они летали на Бермуды, где по утрам катались на велосипедах, а после обеда занимались любовью. Они вместе построили жизнь, которой теперь настал конец. Ей было о чем поплакать. Она обернула руку полотенцем

и сунула ее в пакет.

— Мне нужна «скорая»! Мой муж упал с лестницы и разбился. Мне кажется, у него сломана шея. Да! Да! Прямо сейчас!

Она вернулась в холл, пряча правую руку за спиной. Ему удалось немного отползти от ступенек, и, похоже, он пытался перевернуться на спину, но не сумел. Она опустилась на колени рядом.

— Я не упал, — сказал он. — Ты толкнула меня! Почему?

— Наверное, из-за Роберта Шейверстона, — ответила она и вытащила руку из-за спины. Слезы полились сильнее. Он увидел пластиковый пакет. И ее руку, обмотанную полотенцем. Он понял, что она собиралась сделать. Может, он и сам проделывал нечто подобное. Наверное.

Он начал кричать... только крики совсем не походили на обычные. Во рту булькала кровь, в горле что-то повредилось, и звуки, которые он издавал, больше напоминали гортанное урчание, чем крики. Она засунула пластиковый пакет ему в рот и протолкнула поглубже. При падении он лишился нескольких зубов, и она чувствовала острые края оставшихся. Если они поцарапают кожу, то неприятных объяснений не избежать.

Она выдернула руку, пока он не успел укусить, оставив полотенце и пакет у него во рту. Затем одной рукой ухватила его за подбородок, а второй за лысую макушку и крепко сдавила. Кожа на темени была очень теплой, и она чувствовала пульсацию крови. Боб попытался оттолкнуть ее, но свободной рукой была только та, что сломалась при падении, а на второй он лежал. Ноги судорожно колотились по полу, и один ботинок соскочил. Во рту у него продолжало булькать. Она задрала подол платья, освобождая ноги, и подалась вперед, чтобы сесть на него верхом. Если бы ей это удалось, она смогла бы зажать ему ноздри.

Однако до этого дело не дошло. Грудь Боба начала судорожно вздыматься, а булькающие звуки в горле переросли в подобие хрюкающего хрипа, напоминавшего скрежет, который издавал старенький «шевроле» отца, когда она училась ездить и у нее никак не получалось переключиться с первой передачи на вторую. Боб дернулся, и глаз, который был ей виден, стал похож на бычий, налился кровью. И без того багровое лицо потемнело еще сильнее и стало приобретать синеватый оттенок. Наконец он затих. Она ждала, с трудом переводя дыхание и не обращая внимания на слезы, продолжавшие литься ручьями. Глаз Боба больше не двигался и не выражал паники. Она решила, что он ум...

Неожиданно Боб резко дернулся, и ему удалось сбросить ее. Он сел, и она увидела, что верхняя половина туловища оказалась меньше обычного: судя по всему, он сломал не только шею, но и спину. Будто зевая, он широко разинул рот, из которого торчал пластиковый пакет, и встретился с ней взглядом. Она знала, что этот взгляд она никогда не забудет, но сможет с этим жить.

— Дар! А-aaa!

Он упал, громко стукнувшись затылком о пол. Дарси подползла ближе, но не прикоснулась к нему, чтобы не перепачкаться еще сильнее. Конечно, на ней были пятна его крови, но это легко объяснить, ведь она пыталась помочь ему, что совершенно естественно. Она оперлась на руку и села, стараясь восстановить дыхание и не сводя глаз с мужа. Он не шевелился. Когда прошло пять минут — если судить по маленьким золотым часикам «Мишель», которые Дарси всегда надевала на выход, — она попыталась нащупать у него пульс. Досчитала до тридцати — пульса нащупать не удалось. Она наклонилась и приложила ухо к груди, замирая от страха, что

именно сейчас он очнется и схватит ее. Но ничего подобного не случилось: жизнь покинула тело Боба, его сердце перестало биться, а легкие — дышать. Все было кончено. Не испытывая ни облегчения, ни удовлетворения, Дарси целиком сосредоточилась на том, чтобы довести дело до конца, не совершив никаких ошибок. Отчасти ради себя, но главным образом ради Донни и Петс.

Она быстро прошла на кухню. Полицейские должны быть уверены, что она позвонила сразу, как только Боб упал: стоит им установить задержку, например, по успевшей свернуться крови, и неприятных вопросов не избежать. *Если потребуется, я скажу, что потеряла сознание. Им придется поверить, но даже если они и не поверят, то доказать ничего не смогут. Во всяком случае, мне так кажется.*

Дарси достала из кладовки фонарь. Совсем как в тот злополучный вечер, когда она буквально наткнулась на тайну мужа. Потом вернулась к Бобу, смотревшему в потолок невидящим взглядом. Вытащив из его рта пластиковый пакет, она внимательно осмотрела тело. Он был порван в двух местах, что могло привести к проблемам... Посветив фонарем ему в рот, она увидела, что к языку прилипли два крошечных кусочка пленки, и, осторожно вынув их кончиками пальцев, убрала в пакет.

Теперь пора, Дарселлен.

Но оказалось, еще нет. Оттянув пальцами сначала его правую щеку, потом левую, она нашла с левой стороны крошечный кусок пленки, прилипший к десне. Вытащив, убрала его к остальным. Были ли еще обрывки? Мог ли Боб проглотить их? Если да, то ей оставалось только молиться, что их не найдут, если кто-нибудь — она понятия не имела, кто именно, — вдруг решит, что необходимо сделать вскрытие.

А время шло.

Она помчалась по переходу в гараж, залезла под верстак и спрятала в тайнике перепачканный кровью пакет с полотенцем. Запечатав тайник планкой, Дарси прикрыла его коробкой с каталогами, вернулась в дом и убрала фонарь на место. Взяв трубку, она сообразила, что больше не плачет. Положив ее на рычаг, прошла через гостиную и посмотрела на распростертое на полу тело мужа. Она подумала о розах, но это не помогло. *Последнее прибежище негодяев — это патриотизм, а не розы.* Услышав свой смех при этой мысли, Дарси пришла в ужас. Затем она подумала о Донни и Петре, которые обожали отца, и это сработало. Чувствуя, как снова полились слезы, она вернулась на кухню и набрала 911.

— Здравствуйте, я — Дарселлен Андерсон, нам нужна «скорая»...

— Не спешите, мэм, — сказала диспетчер, — я не понимаю, что вы говорите.

Это хорошо.

Она откашлялась.

— Так лучше? Так понимаете?

— Да, мэм, теперь понимаю. Не волнуйтесь. Вы сказали, вам нужна «скорая»?

— Да, дом двадцать четыре по Шугар-Милл-лейн.

— С вами что-то случилось, миссис Андерсон?

— Не со мной, с мужем. Он упал с лестницы. Может, просто потерял сознание, но мне кажется, что он умер.

Диспетчер пообещала прислать «скорую» немедленно. Дарси почти не сомневалась, что с медиками прибудет и наряд местной полиции. Не исключено, что и полиции штата, если кто-то из их людей окажется поблизости. Она очень надеялась, что не окажется. Дарси перешла в прихожую и устроилась на скамье, правда, ненадолго. В застывшем взгляде лежавшего на полу Боба она читала обвинение.

Дарси накинула на плечи его пиджак и вышла на крыльцо ждать «скорую».

17

Показания у Дарси брал местный полицейский по имени Гарольд Шрусбери. Она его не знала, зато выяснилось, что с его женой Арлин они ходили в один и тот же кружок вязания. Они разговаривали на кухне, пока врачи «скорой» осматривали тело Боба, а потом увезли, даже не подозревая, что забирают с собой кого-то куда более опасного, чем опытный бухгалтер Роберт Андерсон.

— Хотите кофе, офицер Шрусбери? Мне не трудно.

Он взглянул на ее трясущиеся пальцы и сказал, что с удовольствием сам сварит его для них обоих.

— На кухне я отлично управляюсь, — добавил он.

— Арлин никогда об этом не упоминала, — сказала она, когда он поднялся, оставив на столе раскрытый блокнот. Там было записано только ее имя, имя Боба, их адрес и номер телефона. Дарси расценила это как хороший знак.

— Она предпочитает скрывать мои таланты, — ответил Гарольд. — Миссис Андерсон, Дарси, я очень соболезную вам и не сомневаюсь, что Арлин тоже.

Дарси опять заплакала. Гарольд Шрусбери оторвал бумажное полотенце и дал ей:

— Это лучше «Клинекса».

— Видно, у вас большой опыт в этом, — сказала она.

Он проверил кофеварку, убедился, что она заправлена, и включил.

— Большой, чем мне бы хотелось, — ответил он и вернулся на место. — Вы можете рассказать, что произошло? Или лучше потом?

Она рассказала, как Боб обрадовался, когда среди мелочи нашел монету с двойной датой. Как они поехали отпраздновать это событие в «Жемчужину побережья», где он слишком много выпил. Вспомнила, как он дурачился, изображая официанта, отдавал ей честь на британский манер и щелкал каблуками, когда она попросила его принести стакан перье с ломтиком лайма. Как он стал подниматься, неся стакан на вытянутой руке, как это делают официанты. Как оступился на самом верху, и как она сама чуть не упала, поскользнувшись на кусочке льда,

когда бросилась к нему.

Шрусбери пометил что-то в блокноте, закрыл его и перевел взгляд на нее:

— Хорошо. Я хочу, чтобы вы поехали со мной. Накиньте что-нибудь сверху.

— Что? Куда?

В тюрьму, конечно. Не пройти через поле «Вперед», не получить двести долларов, а сразу отправиться в тюрьму, как в игре «Монополия». Боб сумел уйти от правосудия, совершив множество убийств, а ее осудят за одно-единственное. Правда, свои он планировал тщательно, с бухгалтерской скрупулезностью. Она не знала, где совершила ошибку, но наверняка промах крылся в чем-то совсем простом. Гарольд Шрусбери скажет ей об этом на пути в отделение. Так бывает в последних главах детективов Элизабет Джордж.

— К нам домой, — ответил он. — Сегодня вы останетесь на ночь у нас с Арлин.

Она опешила:

— Я не... я не могу...

— Можете! — отрезал он тоном, не терпящим возражений. — Она убьет меня, если я оставлю вас одну. Вы этого хотите?

Дарси вытерла слезы и слабо улыbnулась:

— Нет, не хочу. Но... мистер Шрусбери...

— Гарри.

— Мне надо позвонить. Наши дети... они еще ничего не знают. — Эта мысль вызвала новые слезы, которые она стала вытирать размокшим полотенцем. Кто бы подумал, что у человека могут быть такие запасы слез? Взяв чашку с еще горячим кофе, она, сделав три больших глотка, выпила сразу половину.

— Думаю, несколько междугородних звонков нас не разорят, — ответил Гарри Шрусбери. — Послушайте... У вас есть какие-нибудь лекарства? Успокоительное?

— Ничего такого, — прошептала она. — Только амбиен.

— Тогда Арлин одолжит вам таблетку валиума, — сказал он. — Ее надо будет принять минимум за полчаса до того, как начнете звонить с таким печальным известием. А пока я свяжусь с Арлин и предупрежу, что мы едем.

— Вы очень добры.

Он открыл первый ящик кухонного шкафа, затем другой, потом третий. Когда добрался до четвертого, у Дарси перехватило дыхание. Гарри достал кухонное полотенце и передал ей:

— Это лучше бумажных.

— Спасибо, — пролепетала она. — Большое спасибо.

— Долго вы были в браке, миссис Андерсон?

— Двадцать семь лет, — ответила она.

— Двадцать семь... — задумчиво повторил он. — Господи, мне так жаль.

— Мне тоже, — сказала она, пряча лицо в полотенце.

18

Роберта Эмори Андерсона похоронили через два дня на кладбище Ярмута. Донни и Петра поддерживали мать, пока священник говорил о скоротечности бренного существования. Погода испортилась — холодный пронизывающий ветер раскачивал голые деревья, небо затянуло мрачными тучами. Бухгалтерская фирма «Бенсон, Бейкон и Андерсон» закрылась на день, и все сотрудники пришли на похороны. Бухгалтеры в черных пальто держались группками и напоминали стаи ворон. Одни мужчины. Почему-то раньше Дарси не замечала, что женщин среди них не было.

Глаза Дарси постоянно наполнялись слезами, и она то и дело промокала их платком, который держала в руке, обтянутой черной перчаткой. Петра все время плакала, а хмурый Донни стоял с покрасневшими глазами. Интересный мужчина, хотя волосы уже начали редеть, как у отца в этом возрасте, он таким и останется.

Если, конечно, не расползется, как Боб, подумала она. И разумеется, если не станет убивать женщин.

Но разве такое может передаваться по наследству?

Скоро все закончится. Донни задержится здесь всего на пару дней, поскольку дольше не сможет из-за работы. Он надеялся, что мать поймет, и она заверила, что все, конечно, понимает. Петра останется на неделю. Она сказала, что может задержаться еще, если потребуется. Дарси поблагодарила дочь за поддержку и участие, надеясь в глубине души, что та уедет не позже чем через пять дней. Ей хотелось остаться одной. Ей хотелось... нет, даже не осознать случившееся, а вновь обрести себя. И оказаться по эту сторону зеркала.

Дело не в том, что что-то пошло не так, — как раз наоборот. Она не думала, что все вышло бы так гладко, если бы планировала убийство мужа несколько месяцев. Тогда бы она наверняка все испортила, слишком многое усложнив. В отличие от Боба умение планировать никогда не было ее сильной стороной.

Но разве такое может передаваться по наследству?

Скоро все закончится. Донни задержится здесь всего на пару дней, поскольку дольше не сможет из-за работы. Он надеялся, что мать поймет, и она заверила, что все, конечно, понимает. Петра останется на неделю. Она сказала, что может задержаться еще, если потребуется. Дарси поблагодарила дочь за поддержку и участие, надеясь в глубине души, что та уедет не позже чем через пять дней. Ей хотелось остаться одной. Ей хотелось... нет, даже не осознать случившееся, а вновь обрести себя. И оказаться по эту сторону зеркала.

Дело не в том, что что-то пошло не так, — как раз наоборот. Она не думала, что все вышло бы так гладко, если бы планировала убийство мужа несколько месяцев. Тогда бы она наверняка все испортила, слишком многое усложнив. В отличие от Боба умение планировать никогда не

было ее сильной стороной.

Никто не задавал никаких трудных вопросов. Ее объяснение было простым, правдоподобным и почти правдивым. Главным козырем являлся безоблачный брак, длившийся почти три десятка лет и не омрачавшийся ссорами или скандалами в последнее время. Какие еще нужны аргументы?

Священник пригласил членов семьи подойти к могиле.

— Спи с миром, папа, — сказал Донни и бросил горсть земли. Комья стукнули о блестящую крышку гроба. Дарси подумала, что они похожи на собачьи экскременты.

— Папа, мне так тебя не хватает! — сказала Петра и тоже бросила горсть земли.

Дарси подошла последней. Она взяла горсть земли черной перчаткой и бросила без слов.

Священник предложил всем молча помолиться, и собравшиеся скорбно склонили головы. Ветер раскачивал ветки. Вдалеке слышался шум движения на 295-й автомагистрали.

Господи, если Ты есть, сделай так, чтобы на этом все закончилось, подумала Дарси.

19

Но на этом все не закончилось.

Примерно через полтора месяца после похорон, когда уже прошел Новый год и погода стала ясной и морозной, в доме на Шугар-Милл-лейн раздался звонок. Дарси открыла дверь и увидела пожилого мужчину в черном пальто и теплом красном кашне. Он держал в руках старомодную фетровую шляпу с узкими полями. Глубокие морщины на лице говорили о возрасте и, как решила Дарси, о нездоровье, а редкие седые волосы были подстрижены совсем коротко.

— Да? — спросила она.

Он полез в карман и уронил шляпу. Дарси нагнулась и подняла ее, а когда выпрямилась, увидела у него в руках кожаные корочки удостоверения. Мужчина предъявил ей золотистый жетон и пластиковую карточку с фотографией, на которой он выглядел намного моложе.

— Хольт Рэмси, — представился он, будто извиняясь. — Служба главного прокурора штата. Прошу простить меня за беспокойство, миссис Андерсон. Я могу войти? Вы замерзнете, стоя на пороге в такой легкой одежде.

— Пожалуйста, входите, — пригласила она и посторонилась.

Видя его неровную походку и привычный жест правой руки, будто придерживающей что-то у бедра, она ясно вспомнила, как Боб сидел у нее на кровати, держа за холодные пальцы. Боб рассказывал и даже злорадствовал. *Я хочу, чтобы копы считали Биди тупым, во всяком случае, малограмотным, и они действительно так считают! За все эти годы меня допрашивали всего один раз, и то — как свидетеля. Было это очень давно. Примерно через две недели после того, как Би-Ди убил Стейси Мур. Какой-то хромой старик, уходящий в отставку...* И вот теперь этот старик стоял в десятке шагов от того места, где умер Боб. Где она убила Боба. Хольт Рэмси выглядел больным, но глаза выдавали острый ум и

проницательность. Он окинул помещение быстрым цепким взглядом и повернулся к ней.

Будь осторожна с этим человеком, Дарселлен, сказала она себе. Не расслабляйся ни на секунду.

— Чем могу вам помочь, мистер Рэмси? — поинтересовалась она.

— Ну, если вас не затруднит, я бы не отказался от чашечки кофе: ужасно замерз. Я приехал на служебной машине, а печка там ни к черту. Если, конечно, вы не сочтете, что я требую слишком многого...

— Нет-нет, что вы. Только... могу я еще раз взглянуть на ваше удостоверение?

Он невозмутимо протянул ей удостоверение и, пока она его изучала, повесил шляпу на вешалку.

— А вот этот штамп «ОТС» под печатью означает... что вы в отставке?

— И да, и нет. — Его губы растянулись в улыбке, обнажив безупречные зубы, явно вставные. — Когда мне стукнуло шестьдесят восемь, пришлось подать в отставку, во всяком случае, формально. Но я всю жизнь проработал в полиции и прокуратуре штата, и мне как старой и заслуженной лошади выделили в конюшне почетное место, чтобы я мог спокойно дожить свой век. Держат меня там вроде талисмана.

Это вряд ли.

— Позвольте, я повешу ваше пальто.

— Не надо, спасибо. Лучше не буду его снимать. Я ненадолго. Снега нет, так что на пол не накапает. Там просто жуткий мороз. Как сказал бы мой отец, для снега слишком холодно, а теперь я это чувствую куда сильнее, чем пятьдесят лет назад. Или даже двадцать пять.

Дарси провела Рэмси на кухню, стараясь идти медленнее, чтобы он не отстал, и спросила, сколько ему лет.

— В мае будет семьдесят восемь, — ответил он, не скрывая гордости. — Если, конечно, доживу. Я всегда добавляю эту фразу, чтобы не сглазить. До сих пор срабатывало. Какая у вас чудесная кухня, миссис Андерсон: есть место для всего, и все на своем месте. Моей жене очень бы понравилось. Она умерла четыре года назад. Внезапный сердечный приступ. Мне так ее не хватало. Наверное, как и вам — мужа.

Она почувствовала на себе испытующий взгляд его молодых и проницательных глаз, резко контрастирующих с испещренным морщинами нездоровым лицом.

Он знает. Понятия не имею откуда, но он точно знает!

Дарси проверила, заправлена ли кофеварка, и включила ее. Потянувшись за чашками в шкаф, она спросила:

— Так о чем вы хотели меня спросить, мистер Рэмси? Или, правильнее, детектив Рэмси?

Он засмеялся, но тут же закашлялся.

— Меня уже тысячу лет никто не называл детективом. Мне больше нравится, когда ко мне

обращаются просто по имени, так что зовите меня Хольт. А поговорить я вообще-то хотел с вашим мужем, но раз он умер — еще раз мои соболезнования, — то это невозможно. Да, совершенно исключено. — Он покачал головой и устроился на табурете возле массивного стола. Перекрывая шуршание пальто, в тщедушном теле хрустнула какая-то косточка. — Скажу вам честно: старику, живущему в съемной комнате — а у меня именно такая, хоть и очень приличная, — иногда надоедает смотреть телевизор и бездельничать. Вот я и подумал: а почему бы, черт возьми, не съездить в Ярмут и не задать пару вопросов жене? Конечно, сказал я себе, она может и не знать всех ответов, но почему не съездить? Нельзя же все время сидеть взаперти!

— Особенно когда мороз продолжает усиливаться, а ехать предстоит в служебной машине с плохой печкой, — заметила Дарси.

— Верно, но я поддел теплые белье, — скромно признался он.

— А у вас есть своя машина, мистер Рэмси?

— Конечно, есть, — ответил он с таким видом, будто раньше мысль поехать на ней не приходила ему в голову. — Присядьте, миссис Андерсон. Не нужно меня бояться — я слишком стар, чтобы укусить.

— Нет, сейчас будет готов кофе, — сказала она. Она боялась этого старика. Бобу тоже следовало его бояться, но теперь ему уже ничего было не страшно. — А пока вы могли бы рассказать мне, о чем хотели поговорить с мужем.

— Вы не поверите, миссис Андерсон...

— Зовите меня Дарси, ладно?

— Дарси! — воскликнул он с восхищением. — Какое чудесное старинное имя!

— Спасибо. Вам со сливками?

— Ни в коем случае! Я пью только черный, как моя шляпа. Хотя в вестернах черные шляпы носят только негодяи, а я себя всегда относил к хорошим парням, к тем, что в белых. Но разве я не имею на это права? Я всю жизнь выслеживал преступников, да и ногу повредил из-за них. В восемьдесят девятом году в автомобильной погоне. Парень убил свою жену и обоих детей. В наши дни такое преступление обычно совершают в невменяемом состоянии, под действием алкоголя или наркотиков, или если у преступника не все дома. — Для наглядности Рэмси постучал по виску скрюченным от артрита пальцем. — Но тот парень был другим. Он сделал это, чтобы получить страховку. Попытался инсценировать, как теперь говорят, «незаконное вторжение в дом». Не стану вдаваться в детали, но я начал «копать». И занимался этим целых три года. Пока наконец не собрал достаточно доказательств для ареста. Может, конечно, их бы и не хватило для признания его виновным в суде, но сообщать ему об этом было не обязательно, так ведь?

— Наверное, — согласилась Дарси, разливая дымящийся кофе. Она решила не добавлять себе сливок. И выпить как можно быстрее. Тогда кофеин быстрее поможет встряхнуться.

— Спасибо, — поблагодарил Рэмси, принимая от нее чашку. — Большое спасибо. Вы — сама доброта. Горячий кофе в холодный день — что может быть лучше? Разве что подогретый сидр с пряностями, другого даже представить не могу. Так на чем я остановился? Ах да, точно! Я рассказывал о Дуайте Шемину. Это было к югу от Хейнсвилль-Вудс, что у границы округа.

— Спасибо, — поблагодарил Рэмси, принимая от нее чашку. — Большое спасибо. Вы — сама доброта. Горячий кофе в холодный день — что может быть лучше? Разве что подогретый сидр с пряностями, другого даже представить не могу. Так на чем я остановился? Ах да, точно! Я рассказывал о Дуайте Шемину. Это было к югу от Хейнсвилль-Вудс, что у границы округа.

Дарси пила кофе и разглядывала Рэмси поверх чашки. У нее вдруг возникло ощущение, какое испытываешь только при долгом браке — вполне приличном, но не без проблем. Как в старой шутке: «Она знает, что он знает, а он знает, что она знает, что он знает». Это было похоже на зеркало, в котором отражается другое зеркало, а в нем еще одно, и все они уходят в бесконечность. Оставалось только выяснить, как он собирался распорядиться своим знанием. Что он мог сделать.

— Так вот... — Рэмси поставил чашку и начал машинально потирать больную ногу. — Я тогда решил спровоцировать этого парня. В том смысле, что раз у него на руках кровь женщины и двух детишек, я посчитал возможным сыграть не по правилам. И это сработало! Он бросился бежать, а я стал преследовать, и мы оказались в Хейнсвилль-Вудс, где, как поется в песне дальнбойщиков, «на каждой миле свой могильный камень». На повороте он врезался в дерево, а я — в него. И в результате получил больную ногу и стальной штырь в шею.

— Мне очень жаль. А чем это закончилось для того парня? Что он «заработал»?

Глаза Рэмси блеснули, а уголки губ чуть дрогнули и поползли вверх, растягивая сухие губы в ледяную улыбку.

— Он заработал смерть, Дарси. Избавил штат от необходимости оплачивать ему полный пансион в тюрьме Шоушенк лет сорок или пятьдесят.

— Вы совсем как «Небесная гончая»[4], мистер Рэмси, верно?

Ничуть не смутившись, он приложил к щекам руки, вывернув их ладонями наружу, и продекламировал звонким голосом школьника:

— «Я бежал от него сквозь ночи и дни, под сводами лет, в лабиринтах мозга...»[5]. И так далее.

— Вы это в школе выучили?

— Нет, мэм, в «Методистском молодежном братстве». В далеком, далеком детстве. Меня наградили Библией, которую я на следующий год потерял в летнем лагере. Вернее, не потерял, а ее украли. Вы можете представить, чтобы человек пал так низко, чтобы красть Библию?

— Да, — ответила Дарси.

Он засмеялся.

— Дарси, очень вас прошу, называйте меня Хольт. Пожалуйста. Так ко мне обращаются все друзья.

А вы — друг? В самом деле?

Ответа она не знала, но в одном не сомневалась: другом Боба он точно бы не стал.

— А это единственное стихотворение, которое вы знаете наизусть, Хольт?

— Раньше я знал еще «Смерть батрака»[6], — сказал он, — но теперь помню только фрагмент,

что дом — это место, где нас всегда примут, когда бы мы туда ни вернулись. Это верно, как считаете?

— Абсолютно!

Его светло-карие глаза пытливо искали ее взгляд. В них было даже нечто сродни бесстыдству, будто он раздевал ее мысленно, и одновременно — удовольствию. Не исключено, что по той же самой причине.

— Так о чем вы хотели спросить моего мужа, Хольт?

— Знаете, я однажды уже с ним беседовал, хотя он вряд ли об этом вспомнил бы, будь он жив. Это случилось очень давно. Тогда мы оба были намного моложе, а вы, наверное, совсем еще маленькой, если судить по вашей красоте и молодости сейчас.

Она рассеянно улыбнулась и поднялась налить себе еще кофе. Первую чашку она уже выпила.

— Думаю, вы слышали об убийствах Биди, — наконец произнес он.

— Вы говорите о маньяке, который убивал женщин, а потом посылал их документы в полицию? — Она вернулась к столу, держась совершенно спокойно. — В газетах столько об этом писали...

Он сложил из пальцев «пистолетик» — совсем как Боб! — и, наставив на нее, симитировал выстрел.

— В самую точку! Да, мэм! «Чем больше крови, тем выше рейтинг» — таков их девиз. Мне довелось немного поработать над тем делом. Тогда я еще не вышел в отставку, но она приближалась. Меня считали человеком, который умеет докапываться до истины, прислушиваясь к своим... как бишь их...

— Инстинктам?

Снова «пистолетик»... и снова «выстрел». Казалось, будто у них двоих имелась общая тайна.

— Короче, мне поручили самостоятельное расследование, это был своего рода «свободный полет». Старый хромой Хольт ездит, куда считает нужным, показывает снимки, задает вопросы, короче... «вынюхивает». Потому что у меня всегда был на это талант, Дарси, который я с годами не утратил. Это случилось осенью девяносто седьмого года, вскоре после убийства женщины по имени Стейси Мур. Слышали о ней?

— Не думаю, — ответила она.

— Вы бы наверняка помнили, если бы видели снимки с места преступления. Ужасное убийство, даже невозможно представить, как страдала эта женщина. Но этот парень Биди долго — больше пятнадцати лет — не давал о себе знать, и все накопившееся в нем за эти годы зверство, видимо, прорвалось и обрушилось на нее. Тогдашний главный прокурор штата доверил мне это дело. «Пусть этим займется старый Хольт, — сказал он. — Все равно он сейчас ничем не занят, а так не будет путаться под ногами». Уже тогда меня звали «старым Хольтом». Наверное, из-за хромоты. Я поговорил с друзьями жертвы, родственниками, соседями и сослуживцами. Я много с кем побеседовал. Она работала официанткой в Уотервилле в ресторанчике «Саннисайд». Туда заглядывало много проезжих, поскольку рядом проходило шоссе, но меня больше интересовали ее постоянные клиенты. Мужчины.

— Это понятно, — пробормотала Дарси.

— Одним из них оказался вполне представительный человек лет сорока с небольшим. Появлялся раз в три-четыре недели и всегда садился за столик, который обслуживала Стейси. Наверное, мне не стоило об этом говорить, поскольку клиентом являлся ваш покойный супруг, а о покойниках принято говорить либо хорошо, либо никак. Но теперь, раз их обоих уже нет в живых, я подумал, что если вы меня правильно поймете... — Рэмси замолчал, явно испытывая неловкость.

— Не нужно так смущаться, — сказала Дарси, невольно улыбнувшись. А может, он специально усыплял ее бдительность? Этого она не знала. — Не мучайте себя и скажите все как есть... я уже не маленькая. Она что — флиртвала с ним? Вы об этом? Она не первая официантка, которая строила глазки проезжавшим мужчинам, даже если у тех обручальные кольца.

— Нет, не совсем так. Судя по тому, что рассказывали остальные официантки — а к их словам, понятно, надо относиться осторожно, потому что они все любили ее, — не она заигрывала с вашим мужем, а он с ней. И ей, если им верить, это не очень-то нравилось. Она говорила, что в его присутствии у нее мурашки бегали по коже.

— На моего мужа это совершенно не похоже. — По крайней мере Боб рассказывал ей все по-другому.

— Кто знает? Может, это все-таки был он, в смысле — ваш муж. А жены далеко не всегда представляют, как их благоверные ведут себя вне дома. Как бы то ни было, одна официантка сказала мне, что тот клиент ездил на внедорожнике «тойота». Она знала это точно, поскольку сама ездила на таком же. А потом несколько соседей Стейси видели похожий внедорожник возле придорожного ларька Муров за несколько дней до убийства. И даже за день до убийства.

— Но не в тот самый день?

— Нет, но такой осторожный парень, как Биди, наверняка не стал бы подставляться, как считаете?

— Наверное.

— У меня имелось описание мужчины, и за неимением лучшего я решил прочесать местность вокруг ресторана. За неделю мне удалось только натереть мозоли и пару раз выпить бесплатного кофе — конечно, никакого сравнения с вашим! — и я уже собирался сворачиваться, но тут наткнулся на одно заведение в центре города. Магазин монет Миклсона. Вам знакомо это название?

— Конечно. Мой муж коллекционировал монеты, а магазин Миклсона входил в тройку самых лучших нумизматических магазинов в штате. Сейчас его больше нет. Старый мистер Миклсон умер, а сын не стал продолжать дело.

— Все верно. Как говорится, в конце концов жизнь отнимает все: и зрение, и пружинистую походку, и даже чертов баскетбольный прыжок в броске, извините за выражение. Но тогда Джордж Миклсон был жив...

— «Грудь вперед и нос по ветру», — пробормотала Дарси.

— Вот-вот, — улыбнувшись, согласился Хольт Рэмси. — Именно так. И он узнал по описанию вашего мужа. «Так это же Боб Андерсон!» — сказал он. И знаете что? Он ездил на

внедорожнике «тойота».

— Да, но он давно продал его и купил...

— «Шевроле-сабербан», верно?

— Верно, — подтвердила Дарси, складывая руки и невозмутимо разглядывая Рэмси. Они подошли к развязке. Вопрос заключался только в том, кто из супругов Андерсон интересовал сейчас старика с пронизательным взглядом.

— Наверное, этот «сабербан» тоже не сохранился?

— Нет. Я продала его через месяц после смерти мужа. Дала объявление в каталоге «Анкл Генри», и машину сразу купили. Я думала, что из-за большого пробега и роста цен на бензин продать будет трудно, но ошиблась. Правда, выручила немного.

За два дня до приезда покупателя она тщательно осмотрела машину, не поленившись даже вытащить коврик багажника. Дарси ничего не нашла, но все равно заплатила пятьдесят долларов, чтобы машину помыли не только снаружи — что ее не волновало, — но и обработали паром изнутри — что волновало ее, и даже очень.

— Понятно. Старый добрый «Анкл Генри». Я продал «форд» покойной жены таким же образом.

— Мистер Рэмси...

— Хольт.

— Хольт, а вы уверены, что со Стейси Мур флиртовал именно мой муж?

— Ну, я разговаривал с мистером Андерсоном, и он открыто признал, что время от времени заезжал в «Саннисайд», но при этом утверждал, что никогда не обращал внимания ни на каких официанток и сидел, зарывшись в газету. Правда, я показал его фотографию с водительского удостоверения персоналу ресторана, и его опознали.

— А мой муж знал, что вы... проявляете к нему особый интерес?

— Нет. Для него я был просто хромым стариком, искавшим свидетелей, которые могли что-то видеть. Калек вроде меня никто не боится.

А вот я боюсь, и еще как!

— Этих доказательств мало, — сказала она, — если, конечно, вы собирались заводить дело.

— Вы правы! — согласился он, весело рассмеявшись, но карие глаза оставались холодными. — Будь у меня улики, мы бы с мистером Андерсоном беседовали не у него в офисе, а в моем кабинете, откуда можно уйти только с моего согласия. Или, понятное дело, если вытаскивает адвокат.

— Может, хватит ходить вокруг да около, Хольт?

— Хорошо, — согласился он, — я не против. Сейчас каждый шаг причиняет мне боль. Чертов Дуайт Шемину, будь он проклят! И я не хочу отнимать у вас много времени, так что давайте начистоту. Мне удалось выяснить, что внедорожник «тойота» был замечен возле мест, где

Биди совершил два убийства своего «первого цикла». Внедорожники были разного цвета. Также я выяснил, что в семидесятых у вашего мужа был не один такой автомобиль.

— Это правда. Ему нравилась эта модель, и он сменил старую на такую же.

— Да, мужчины часто так делают. И внедорожники пользуются особой популярностью в местах, где снег идет по полгода. Но после убийства Мур и нашей беседы ваш муж сменил машину на «шевроле-сабербан».

— Не сразу, — с улыбкой возразила Дарси. — Он продолжал ездить на «тойоте» в начале двухтысячных.

— Я знаю. Он продал ее в две тысячи четвертом году, незадолго до убийства Андреа Ханикатт на шоссе, ведущем в Нашуа. Серо-голубой «сабербан» две тысячи второго года. «Шевроле» примерно такого же года выпуска и цвета часто видели неподалеку от дома миссис Ханикатт в течение месяца, предшествовавшего ее убийству. И странная штука... — он наклонился вперед, — я нашел свидетеля, который утверждает, что номера на машине были вермонтские, а другая свидетельница — маленькая старушка, которая за неимением других дел весь день сидит у окна гостиной, наблюдая, чем занимаются соседи, — заявила, что у машины были номера штата Нью-Йорк.

— У Боба были номера штата Мэн, — сказала Дарси, — и вам это отлично известно.

— Конечно, конечно, но номера можно украсть.

— А как насчет убийства Шейверстонов, Холт? Возле дома Хелен Шейверстон видели серо-голубой «сабербан».

— Вижу, вы знаете о деле Биди намного больше обычных обывателей. И больше, чем пытались представить вначале.

— Так его видели?

— Нет, — ответил Рэмси. — Вообще-то нет. Но серо-голубой «сабербан» видели возле ручья в Эймсбери, где нашли тела. — Он снова улыбнулся, но глаза по-прежнему оставались холодными. — Их бросили как мусор.

— Я знаю, — вздохнула она.

— Про номерной знак «шевроле» в Эймсбери никто ничего сказать не сумел, но, полагаю, он мог запросто оказаться массачусетским. Или пенсильванским. Каким угодно, только не штата Мэн. — Он подался вперед. — Биди посылал нам записки с документами жертв. Дразнил нас, бросая вызов. Может, даже хотел, чтобы мы его поймали.

— Может, и так, — согласилась Дарси, хотя сильно сомневалась.

— Записки были написаны печатными буквами. Люди, которые так делают, считают, что по ним почерк определить невозможно, но они ошибаются. У вас, случайно, не сохранилось бумаг мужа?

— То, что не забрала фирма, было уничтожено. Но я уверена, у них этих бумаг очень много. Бухгалтеры никогда ничего не выбрасывают.

Он вздохнул:

— Да, но чтобы подобная фирма их предоставила, нужно получить распоряжение суда, а для этого требуются веские основания. А их-то у меня и нет. Есть лишь ряд совпадений, хотя, по моему глубокому убеждению, это не просто совпадения, а скорее закономерности, которые, к сожалению, никак не дотягивают даже до косвенных улик. Поэтому я и приехал к вам. Боялся, что вы меня сразу выгоните, но вы оказались очень добры.

Она промолчала.

Он еще больше подался вперед и теперь почти нависал над столом, как хищная птица. Но за холодом в глазах читалось нечто, похожее на участие и даже доброту. Она очень надеялась, что не ошибалась.

— Дарси, это ваш муж был Биди?

Она понимала, что он мог записывать их разговор — это было вполне реально. Вместо ответа она лишь подняла руку, повернув ее ладонью к нему, словно защищаясь.

— И вы об этом долго не знали, так ведь?

Она снова промолчала и только смотрела на него, пытаясь прочесть мысли, как часто делают люди при общении с теми, кого хорошо знают. Только надо помнить, что перед ними не всегда то, что, как нам кажется, мы видим. Теперь Дарси знала это не хуже других.

— А потом вдруг узнали? Совершенно случайно?

— Хотите еще кофе, Хольт?

— Полчашки, — попросил он, откидываясь назад и складывая руки на тщедушной груди. — Если переусердствовать с кофе, то меня замучает изжога, а я забыл принять утром таблетку.

— У меня наверху в аптечке есть прилосек[7], — сказала она. — Остался от Боба. Хотите, принесу?

— Я бы не стал принимать его таблетку, даже если бы горел изнутри.

— Как хотите, — мягко сказала она и подлила кофе в его чашку.

— Вы уж меня извините. Иногда не могу справиться с эмоциями. Эти женщины... все эти женщины... и мальчик, у которого впереди была целая жизнь. Это — самое ужасное!

— Да, — согласилась она, передавая ему чашку. Дарси обратила внимание, как сильно дрожат у него руки, и подумала, что это, наверное, его последнее сражение, несмотря на пугающую остроту его ума.

— Женщина, которая слишком поздно узнаёт, кем на самом деле являлся ее муж, оказывается в очень сложном положении, — заметил Рэмси.

— Думаю, что да, — согласилась Дарси.

— И кто поверит, что после стольких лет совместной жизни она на самом деле совершенно его не знала? Совсем как птичка — не помню, как она называется, — что живет в пасти крокодила.

— Вообще-то считается, что крокодил позволяет ей жить у себя в пасти, — уточнила Дарси, — поскольку она чистит ему зубы. Выклевывает зернышки, оставшиеся в зубах. — Она постучала пальцами по столу, показывая, как клюют птицы. — Может, причина в действительности совсем другая, но в нашем случае я и правда возила Бобби к дантисту. Сам он всячески увиливал от посещения зубного врача и не выносил боли. — Неожиданно ее глаза наполнились слезами. Она вытерла их тыльной стороной ладони, проклиная себя за слабость. Сидевший напротив мужчина не станет уважать слез, пролитых по Роберту Андерсону.

А может, она ошибалась. Он улыбался и кивал:

— И еще ваши дети. Если мир узнает, что их отец — серийный убийца и мучитель женщин, то это клеймо на всю жизнь. А если все решат, что их мать покрывала его или даже помогала, как Майра Хиндли Йену Брейди[8], то от такого потрясения они могут и вовсе не оправиться. Вы о них слышали?

— Нет.

— Не важно. Но задайте себе вопрос: как поступить женщине, оказавшейся в таком положении?

— А что бы вы сделали, Хольт?

— Не знаю. Я в другом положении. Возможно, я и старый зануда, доживающий свой век, но у меня есть долг перед семьями убитых женщин. Они заслуживают раскрытия дела.

— Конечно, заслуживают... Но разве это что-то изменит?

— Вы знали, что у Роберта Шейверстона был откушен пенис?

Она не знала. Конечно, не знала! Дарси закрыла глаза, чувствуя, как слезы пробиваются сквозь ресницы. Он не «страдал»! Как бы не так! Появись сейчас перед ней Боб, простирая руки и умоляя о милосердии, она бы снова его убила.

— Его отец об этом знает, — тихо произнес Рэмси. — И ему приходится жить, не забывая ни на секунду, как обошлись с ребенком, которого он любил.

— Мне очень жаль, — прошептала она. — Мне ужасно жаль.

Она почувствовала, как он взял ее за руку.

— Я не хотел вас расстраивать.

Она выдернула руку.

— Конечно, хотели! Неужели вы считаете, что мне было все равно?! Да как вы смеете?!

Он хмыкнул, сверкнув зубным протезом.

— Я не хотел вас расстраивать.

Она выдернула руку.

— Конечно, хотели! Неужели вы считаете, что мне было все равно?! Да как вы смеете?!

Он хмыкнул, сверкнув зубным протезом.

— Нет, я так не считаю. И увидел это сразу, как вы открыли дверь. — Он помолчал и добавил со смыслом: — Я сразу все увидел.

— И что вы видите сейчас?

Он поднялся и, слегка покачнувшись, выпрямился.

— Я вижу перед собой мужественную женщину, которую надо оставить в покое и не мешать жить дальше.

Она тоже поднялась.

— А как же семьи погибших, которые заслуживают раскрытия дела? — Она замолчала, не желая продолжать. Но у нее не было выбора. Этот старик приехал сюда, преодолевая мучительную боль, а теперь отпускал ее. По крайней мере ей так казалось. — А как же отец Роберта Шейверстона?

— Роберт Шейверстон умер, и его отец тоже не живет. — Рэмси заговорил спокойным и рассудительным тоном, который Дарси моментально узнала. Боб всегда переходил на него, когда разговаривал с клиентом, которого вызывали в налоговую службу для неприятных объяснений. — Не отрывается от бутылки с виски с раннего утра до позднего вечера. Если он узнает, что убийца и мучитель его сына мертв, это что-нибудь изменит? Не думаю. Вернет ли это к жизни хоть одну жертву? Нет! Горит ли сейчас убийца в вечном аду за свои преступления? Рвут ли там его тело на части, как делал он? Библия говорит, что да. Во всяком случае, об этом написано в Ветхом Завете, а поскольку все наши законы вышли оттуда, меня это вполне устраивает. Спасибо за кофе. Правда, мне придется останавливаться на всех стоянках до самой Огасты и бегать в туалет, но дело того стоило. Вы варите чудесный кофе.

Провожая Хольта до двери, Дарси впервые с того злополучного вечера, когда споткнулась о коробку в гараже, ощутила, что находится с правильной стороны зеркала. Было приятно сознавать, что кольцо вокруг Боба сжималось. Что он, оказывается, не все рассчитал безупречно, как сам считал.

— Спасибо, что заехали, — сказала она, пока Рэмси нахлобучивал шляпу. Она открыла дверь, чувствуя, как в дом потянуло морозным воздухом. Но это ее ничуть не смутило — кожу приятно холодило. — Мы еще увидимся?

— Нет. На будущей неделе я выхожу в отставку. Окончательно. И уезжаю во Флориду. Но и там не задержусь надолго, если верить врачам.

— Мне очень жа...

Он неожиданно обнял ее. Тонкие, жилистые руки оказались удивительно сильными. Дарси опешила, но не испугалась. Ей в висок уперся край шляпы, и она услышала, как старик прошептал:

— Вы поступили правильно.

И он поцеловал ее в щеку.

Он медленно брел по дорожке, стараясь не наступить на лед. Походка старика. Дарси подумала, что ему надо брать с собой палку. Он уже приближался к машине, по-прежнему старательно обходя скользкие участки, когда Дарси окликнула его. Рэмси обернулся, удивленно приподняв густые брови.

— В детстве у моего мужа был друг, который погиб, попав под грузовик.

— Правда? — Слова вылетели вместе с облаком пара.

— Да, — ответила Дарси. — Вы можете это проверить. Настоящая трагедия, хотя муж говорил, что тот не был хорошим мальчиком.

— Не был?

— Нет. У него в голове все время роились опасные фантазии. Мальчика звали Брайан Делахант, но Боб называл его Би-Ди.

Рэмси немного постоял, осмысливая услышанное, а потом кивнул:

— Это очень интересно. Может, я и посмотрю по компьютеру, что об этом писали. А может, и не стану. Это было очень давно. Спасибо за кофе.

— Спасибо за беседу.

Дарси проводила взглядом машину: Хольт водил не по возрасту — очень уверенно, может, благодаря сохранившемуся острому зрению, — и вернулась в дом. Она как будто помолодела и ощущала необыкновенную легкость. Подойдя к зеркалу в прихожей, она заглянула в него. Там было только ее отражение, и оно ей понравилось.

Примечания

1

Имеется в виду песня «Битлз» «Элинон Ригби» о людях, страдающих от одиночества.

2

Голлум — персонаж произведений Джона Р. Р. Толкина «Хоббит, или Туда и обратно» и «Властелин Колец». Присловьем «Моя Прелесть» Голлум называет Кольцо (а в «Хоббите» — и самого себя).

3

Персонажи рассказа Эдгара Аллана По «Бочонок амонтильядо». Монтрезор мстит Фортунато, приковав его сначала в нише подвала, а потом замуравив в стене.

4

Намек на знаменитую поэму «Небесные гончие» английского поэта Фрэнсиса Томпсона (1859-1907).

5

Пер. с англ. М. Гаспарова.

6

«Смерть батрака» — стихотворение американского поэта Роберта Фроста (1874-1963).

7

Прилосек — лекарственное средство, нормализующее кислотность желудка.

8

Йен Брейди и Майра Хиндли — семейная пара, британские серийные убийцы, хладнокровно пытали и убивали детей. Точное число их жертв осталось неизвестным.